

Инна Бачинская

*Детектив
сильных
страстей*

ЭКСМО

Голос
ангельских труб

Дикие лебеди

Инна Бачинская

Голос ангельских труб

«ЭКСМО»

2013

Бачинская И. Ю.

Голос ангельских труб / И. Ю. Бачинская — «Эксмо»,
2013 — (Дикие лебеди)

ISBN 978-5-699-64490-2

Предложение было абсолютно неожиданным. И заманчивым. Настоящая работа! Та, которую Шibaев умел делать и которой ему так не хватало сейчас. Поехать в Америку и найти там потерявшегося человека! Он медлил, опустив взгляд в пол, словно отгораживался от Заказчика, взяв тайм-аут, передышку перед прыжком в омут, с трудом сдерживая нарастающее чувство сродни восторгу. Бросить все – постылых рогоносцев-клиентов, слезку за их неверными женами – и выйти в глубокие воды... Кроме того, он сможет встретиться с Ингой! Ее имя ударило под дых, и он почувствовал боль. Ее имя окатило его жаркой волной и тонко зазвенело в ушах. Шibaев поднял глаза, наткнулся на жесткий испытующий взгляд Заказчика и кивнул...

ISBN 978-5-699-64490-2

© Бачинская И. Ю., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1. Добро пожаловать!	6
Глава 2. Новые знакомства	11
Глава 3. Лиля	16
Глава 4. Бегство	23
Глава 5. Collateral damage	28
Глава 6. Грег	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Инна Бачинская

Голос ангельских труб

©Бачинская И.Ю., 2013

©Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*О цикада, не плачь!
Нет любви без разлуки
Даже для звезд в небесах.*

Кобаяси Исса, 1768–1827

Все действующие лица и события романа вымышлены, и любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Глава 1. Добро пожаловать!

Разухабистая музыка «живого» оркестра – Шibaев различал скрипку и фортепьяно, резкий, усиленный микрофонами голос бесформенной певицы с гривой иссиня-черных волос, затянутой в черное открытое платье с блестками, гомон нетрезвых голосов, визгливый хохот женщин, звяканье стаканов, ножей и вилок – все было чужим, враждебным и заставляло держаться настороже. Он не привык к ресторанам, и сейчас задавал себе вопрос: так ли сильно отличается здешняя ресторанный публика от отечественной. На этот вопрос ответа у него не было. Но одно Шibaев знал твердо: он никогда не сможет расслабиться, ощущая шкурой свою чужеродность и неуместность здесь. Ему казалось, что окружающие шестым или седьмым чувством вычислили в нем чужака, и теперь подчеркнуто не смотрят в его сторону, демонстрируя полнейшее равнодушие. Ему даже чудилось, что время от времени он ловит на себе их быстрые, острые испытующие взгляды, что, скорее всего, являлось фантазией чистой воды. До него никому не было дела. Народ отрывался от души. Посетители громко здоровались с друзьями и даже ходили друг к другу в гости – размахивая руками, надолго зависали над чужим столиком, громко делясь последними новостями. По залу шлялся тощий, пьяноватый, сильно нарумяненный парень с придурковатым лицом, наряженный в женское платье и соломенную шляпку. Он цеплял посетителей, хлопал их по плечам, плюхался на колени женщинам и отпускал замечания, от которых публика тащилась до коллик. На долю секунды Шibaев поймал его вполне трезвый жестковатый взгляд – тот сразу же отвел глаза.

После сидения в аэропорту, сначала в России, потом во Франкфурте, дожидаясь нью-йоркского рейса, затем восьмичасового перелета через океан Шibaеву хотелось спать – дома сейчас около пяти утра. Он чувствовал себя не в своей тарелке, от запахов еды его мучило, визгливая певица раздражала, пьяноватый парень с трезвым взглядом вызывал гадливость.

Взгляд его скользил по завсегдатаям, а в том, что это завсегдатаи, Шibaев не сомневался, – все эти люди чувствовали себя здесь как дома. Женщина в золотом вечернем платье за соседним столиком, на которую он обратил внимание – не очень молодая, все еще красивая, с гривой ярко-рыжих волос, небрежно заколотых на макушке массивной янтарной заколкой, достала из сумочки сигареты и зажигалку. «Опять? – укоризненно произнес ее спутник, унылый и длинный, с выражением непроходящей обиды на породистом лице. – Ты же только что курила!» – «Арик, пошел на фиг!» – ответила хладнокровно дама, не понижая голоса. Встретилась взглядом с Шibaевым, нисколько не смутившись. – Дай мне жить!» – «Кто кому?» – спросил Арик горько.

Шibaев отвел глаза, невольно посочувствовав мужику.

– Ты чего, мэнь, расслабься! – кричал Лёня, набивая рот снедью. – Тебе такая жрачка у вас там и не снилась! Ничего, привыкнешь. Тут свободный мир! Давай, не стесняйся! Селедочка, семга, грибочки, у Ромика все есть!

Ромик, видимо, владелец ресторана.

Лёня выплеснул «Боржом» в бочку с искусственным деревом, стоявшую рядом с их столиком, и налил в фужеры водку. Утерся салфеткой, поднял фужер:

– Давай, за нас! За успех нашего безнадежного дела!

Он захохотал, закашлялся, захлебываясь, залпом осушил фужер, со стуком поставил его на стол и зачавкал с новыми силами.

Шibaев тоже выпил залпом, сам не зная толком зачем. Лёня ему не нравился шныроватым видом, бегающими глазами, жадностью к еде и питью, за которыми угадывалась всеядность и в отношениях с людьми и в делах, вернее, делишках. У таких, как Лёня, дел не бывает. Такие, как он, по жизни обтяпывают делишки. Шibaев, мент со стажем, нутром чувствовал в нем классового врага. Навидался он таких шестерок за свою жизнь, продажных и жадных, как

уличная девка. Мысль о том, что не стоило соглашаться идти в ресторан, хватило бы и рядовой забегаловки, снова пришла ему в голову. Но, как говорится, в чужой монастырь... Так что терпите, Александр Шibaев тире Волков, за все уже заплачено. А также все схвачено. Лёня – стартовая площадка, связной, гид, а дальше – большой привет! Разойдемся, как корабли. И чем раньше, тем лучше. Сами разберемся, что к чему. А пока, чтобы не выходить из формы и не терять времени даром, изучайте местные быт и нравы, господин разведчик. Умение ориентироваться на незнакомой местности может очень пригодиться в недалеком будущем. Одним словом, изучайте матчасть, Шibaев. И не расслабляйтесь вопреки советам нового знакомого.

Хмель сразу же ударил ему в голову. Зал с вопящей и жующей публикой словно отодвинулся, и шум стал приглушеннее. Голова наполнилась гулом и заломило в висках. Лёня виделся неясно, причем отдельными фрагментами – то выныривал чавкающий толстогубый рот, то бессмысленные белые глаза, то кривоватый сломанный нос. Вакуум, как гигантская воронка, стремительно разрастался вокруг Шibaева, затаскивая его глубоко внутрь. Лёня, упираясь руками в стол, вдруг стал подниматься. Вилка упала на пол, глухо звякнув. Лицо у Лёни стало сосредоточенное, как будто он прислушивался к чему-то происходящему внутри организма. «Сейчас рванет», – невнятно подумал Шibaев, видя Лёню как бы в тумане. Тот, с минуту молча постояв у стола, словно вспоминая, зачем встал, не издав ни звука, покачиваясь, пошел из зала. Шibaев проводил его бессмысленным взглядом. Далеко вытянув вперед руку, взглянул на часы. Без трех семь утра. «Значит, здесь у них... минус восемь, – стал соображать. – Получается одиннадцать вечера».

Он сидел, уставившись невидящим взглядом в тарелку, жуя кусочек черного хлеба. Лёни все не было. Кажется, он уснул ненадолго, на пару минут всего. Его разбудил официант, убирающий пустые тарелки. Шibaев снова посмотрел на часы – половина восьмого. Лёни нет уже полчаса. «Слушай, парень, тут один... – он затруднился, как назвать Лёню, «другом» – не повернулся язык, – ... со мной был, может, плохо человеку. Ты его не видел?» Официант пожал плечами, проворно сгреб тарелки и понес, почти побежал, из зала. Он исчез в той двери, что и Лёня уже тридцать четыре минуты назад...

Шibaев осмотрелся. На сцене возникла новая певица – молодая полураздетая девица со смазливой, сильно накрашенным личиком. Голоса у нее не было, но танцевала она профессионально. На долгий миг они сцепились взглядами, и девушка улыбнулась ему кончиками рта. Шibaев почувствовал легкий укол тревоги. Снова скользнул взглядом по залу, стараясь сделать это как можно небрежнее. Никто на него не смотрел, все были заняты едой и друг другом. Женщина в золотом платье сидела, подперев щеку рукой, – видимо, задумалась о смысле жизни. Арик исчез. Шibaев снова взглянул на певицу, но та, запрокинув голову, исполняла что-то похожее на танец живота.

Преувеличенно осторожно он встал из-за стола и через зал направился к двери, за которой скрылся Лёня. Там праздник кончался – полутемный узкий коридор был полон сизого чада и вони, откуда-то сильно сквозило. Шibaев увидел несколько низких дверей, на двух из них, коричневых, были изображены узнаваемые фигурки из белого пластика – туалеты. Он потянул за ручку дверь мужского – она распахнулась. Внутри было темно и, кажется, пусто. Нашарив пластмассовую кнопку, Шibaев включил свет. Постоял секунду, раздумывая. Погасил свет, вышел и осторожно прикрыл за собой дверь. Осторожно приотворил следующую, заглянул – маленькое помещение, вроде кладовой, ящики с битой посудой, полиэтиленовые мешки с пластиковыми бутылками, на вешалке – замызганная одежда. Он закрыл створку и собирался проверить другие помещения. Остановился, закуривая и пережидая пробегающего официанта. Что-то, возможно запах, заставило его открыть дверь кладовой снова – он вошел внутрь, отодвинул ногой мешки, приподнял тряпки на вешалке и увидел Лёню. Тот сидел, скорчившись, под вешалкой, спиной к стене, заваленный тряпьем. На полу у его ног – пестрая вонючая лужа – Лёню все-таки стошнило. Шibaеву не понадобилось проверять пульс, чтобы определить: Лёня

мертв. Уж он-то навидался трупов в своей жизни. Он тронул его за плечо, и Лёня стал заваливаться вперед и набок. На его спине между лопаток, на светло-бежевой из искусственной замши рубашке, расплывалось темное пятно...

Шibaев выпрямился, раздумывая, что же делать. Хмель мгновенно выветрился, голова стала пустой, как воздушный шарик, – даже потоки воздуха ощущались внутри, и спать уже не хотелось. Он прислушался. По коридору сновали официанты, поминутно хлопали двери. Из зала урывками доносилась музыка и пьяные голоса. Шibaев дождался паузы и выскользнул из своего укрытия. Нечистой салфеткой, случайно завалявшейся в кармане, провел по ручке двери. Сунул салфетку обратно и пошел по коридору, прикидывая, где кухня. Мельком пожалел о кожаной куртке, оставшейся на спинке стула в зале. Для достоверности он шарил в карманах в поисках неизвестно чего – то ли зажигалки, то ли сигарет. Посторонился, пропуская официанта, пробежавшего мимо. Пошел за ним, надеясь, что где-то там может оказаться выход.

Дверь из двух качающихся половинок, как в салуне из кино про Дикий Запад, вела на кухню, где жарилась, булькала, шипела и шкворчала на громадных сковородках и в кастрюлях разная еда, гремела посуда, из кранов били струи воды, вспыхивали, треща, столбы адского пламени, а в воздухе стоял убойный запах готовящейся еды и отборный мат поваров и посудомойщиков.

– Сюда нельзя! – заорал краснорожий распаренный тип в несвежем халате, возникая перед Шibaевым, как черт из табакерки. Тот молча отодвинул краснорожего и, лавируя, быстро двинулся к двери в конце кухни, распахнутой в ночь. – Эй! – кричал краснорожий, побежав следом. – Нельзя, ты че, не понял?

Шibaев, следуя законам ускорения, летел к выходу, опрокидывая на своем пути какие-то грохочущие кастрюли и спотыкаясь о ящики с помидорами и зеленью. Краснорожий упал, зацепившись фартуком за угол оцинкованного стола, и разразился ругательствами. Кто-то еще бросился за Шibaевым. Остальные, полуголые, распаренные и потные, плялились, оставив работу и не предпринимая ни малейших усилий к поимке беглеца.

Шibaев выскочил из преисподней в довольно теплую октябрьскую ночь и быстро пошел прочь, минуя полутемные задворки, огромные черные мешки с мусором, решетки запертых наглухо калиток и ворот. Несмотря на поздний час, было светло и довольно многолюдно. Народ неторопливо гулял. Над улицей, опираясь на толстые лапы-колонны, крышей висела эстакада, по ней ежеминутно грохотали поезда. Шibaев заставил себя замедлить бег, принаравливаясь к прогулочному шагу прохожих. Он оглянулся на яркие огни «Старой Аркадии», куда около двух часов назад привел его Лёня. «Поужинаем, – сказал он. – Обмоем твой приезд. Расскажешь, как там дома». Чемодан с нехитрыми пожитками Шibaев оставил в мотеле в пустынном квартале Кони-Айленда, куда Лёня доставил его из аэропорта. Пока Шibaев умывался в туалете, Лёня ходил по комнате, выглянул из окна, посидел на широкой кровати, накрытой голубым стеганым покрывалом. Поташил его в ресторан, заметив, что ужин оплачен. «Сегодня гуляем, – сказал Лёня, – а завтра поговорим».

Шibaев, не торопясь и сунув руки в карманы пиджака, шагал вдоль грохочущей эстакады. Лёня, заколотый, сидел под вешалкой в подсобке ресторана, а те, кто это сделал, сейчас, вероятно, ищут его, Шibaева, – такова расстановка сил на данный момент. Можно, конечно, взять такси и убраться с Брайтон-Бич, благо деньги есть. Но Шibaев помнил, как работает американская полиция и, в отличие от Лёни, не считал копов придурками. Если поднимется шум, вызовут полицию. Если поднимется шум... Если.

Шibaев рассматривал ситуацию, в которой оказался, поворачивая ее так и этак. Наверняка поднимется, решил он наконец, иначе не стали бы мочить Лёню в ресторане, есть много других укромных мест. А сделано это с прицелом в него, Шibaева: вместе пришли, потом оба вышли, потом одного нашли в подсобке заколотым, а другой исчез. И официанты вспомнят, как он торчал в коридоре, поджидая дружка, и как ворвался на кухню, сбивая с ног обслугу.

И пойдет писать губерния! Полицейские опросят водителей такси и обязательно выйдут на того, кто вез подозреваемого и высадил в определенном районе. И что дальше? А ничего. Он растворится в большом городе Нью-Йорке – ищи-свищи. Сделает свое дело и... Если только ему дадут сделать это самое дело. Его ждали – конспирация ни к черту не годится, и теперь не узнать, с чьей подачи он прокололся. Лёнька? Или в окружении заказчика завелся крот? Его, Шibaева, красиво подставили, намереваясь красиво убрать руками полиции.

Он продолжал неторопливо идти в никуда, рассматривая вывески на русском и прислушиваясь к русской речи с обилием американизмов. Необычное для октября влажное густое тепло, наплывающее с океана, шарканье шагов и грохот поездов по эстакаде, странный язык – мир вокруг казался ему ненастоящим, бутафорским.

* * *

О, Брайтон-Бич, многократно воспетый в художественной литературе, а также с эстрады! Даже, если не прибавить ничего больше, то у всякого мало-мальски зрелого и читающего художественную литературу, а также прессу человека, к тому же обремененного житейским опытом, возникнет перед мысленным взором образ этого необычного места. Маленькая Одесса, маленькая Россия, государство в государстве со своими законами, обычаями и нравами, своим сочным языком и колоритной публикой... Именно публикой, потому что шумный, неунывающий, предприимчивый Брайтон-Бич похож на театр с грязноватыми декорациями и пестрым реквизитом, разношерстными пьесами, актерами и статистами в сверкающих нарядах из театральных костюмерных и программками на местном новоязе.

Брайтон-Бич – это не только театр с вечной пьесой, одной-единственной – «Смотрите, как нам тут хорошо!» Это еще ярмарка, где можно купить все – от валерианки отечественного розлива до медалей последней мировой войны.

И обжорка с обилием копченого, маринованного, жареного, сочащегося жиром и сиропом. Еда, еда, еда – море еды, до полного изнеможения, спирания дыхания и обморока.

И дух – гордость новых американцев, с их «God Bless America»¹ – новая родина, и скрытая, загнанная глубоко внутрь ностальгия по настоящей родине у некоторых, признаваться в которой неприлично, но она иногда сосет и тянет, как зажившая лишь недавно рана, маскируемая высокомерным любопытством – как там, на бывшей родине? – и чувством превосходства: мы тут, в свободной стране, а они там, где и были, неудачники.

И язык – смачный одесско-американский новояз, вариант великого и могучего, особый сленг, особая мелодия, такая же щедрая, сочная и колоритная, как и все здесь.

И марш «Прощание славянки», исполняемый на аккордеоне фальшиво и душевно старым человеком, а другой, его ровесник, тут же рядом, торгует нехитрым товаром – разной мелочовкой, вроде тройчатки, бутылочек с зеленкой, валокордином, разложенной на коврике прямо на тротуаре. И другие старики с медалями последней мировой во всю грудь в погожий день на бордвоке², под навесом от солнца, с бесконечными разговорами за политику, Израиль, терроризм, возможную (упаси Бог!) войну и успехи детей.

И забытый, из детства, запах горячих, с пылу с жару, бабушкиных пирожков с картошкой, капустой, мясом, вишнями, смешанный с влажным густым духом океана, с запахами укропа, дынь и клубники из зеленных лавок.

И матрешки, самовары, книги, песни, кинофильмы – в новом доме, как в старом. И меноры³.

¹ Боже, храни Америку (*англ.*).

² Бордвок – дощатая тропа.

³ Золотые семисвечники.

Золото, самоцветы, меха, дубленки – много и все сразу.

Пышность праздников – бар-мицв⁴, свадеб, юбилеев. Невыносимый блеск вечерних туалетов, обнаженные спины, скромное обаяние бриллиантов на каждом пальце обеих рук... «Хава нагила», «Семь-сорок», «Тройка с бубенцами», цыганочка – для понимающих, и современная попса для молодняка.

Все знакомы. Все дружат. Были знакомы еще там. Окликают друг друга по имени, останавливаются, надолго перегораживая тротуар, громко обмениваются новостями. Прогуливают собачек.

Всего в избытке на Брайтон-Бич, маленьком филиале Союза, маленькой Одессе, маленькой России: еды – обычной и кошерной, тела, золота, суеты, вальяжности, крика, музыки, праздников, собачек, успехов и неудач.

⁴ Бар-мицва – празднование достижения мальчиком (13 лет), девочкой (12 лет) возраста, когда они несут ответственность перед законом, как взрослые.

Глава 2. Новые знакомства

Свернув в боковую улочку, Шibaев сразу вышел к океану, почувствовав впереди ворочающееся живое море. Длинный деревянный настил на сваях – бордвок – тянулся вдоль берега. От океана его отделяла широкая полоса пляжа, слабо светлеющего в огнях ресторанов и баров. Шум поездов здесь не слышался, было почти безлюдно – одинокий мужчина прогуливал собачку, да пробежал молодой негр в белых трусах и белых кроссовках – почти человек-невидимка. Долетала негромкая музыка из прибрежных ресторанов.

Шibaев спустился по ступенькам и, увязая в песке, обходя жестянки из-под кока-колы и пива, прочей нечистой дряни, побрел к океану. На пляже не было ни души. Океан шевелился и дышал в темноте, равномерно ударяя в берег мелкой сверкающей волной. Шibaев оглянулся – яркая реклама рестораников заканчивалась через метров пятьдесят, и дальше светили лишь уличные фонари. Деревянный тротуар, изгибаясь дугой, уходил далеко влево, а справа ограничивался не то строением, не то стеной – в темноте не разглядеть.

...Он сидел на влажном камне волнореза, уходящего в океан. Подбивал бабки...

* * *

Три недели назад позвонил гений дзюдо – Михаил Степаныч Плюто, шibaевский тренер по самбо, человек со связями, пристраивающий его в дело по старой дружбе. Шibaев не очень верил, что Заказчик, как он окрестил козырного знакомого Плюто, которого видел всего раз, потребует его услуг. Шibaев паленый мент, глупо попавшийся на мелкой взятке. Самым постыдным и обидным для самооценки было именно то, что на мелкой: рисковать, так по-крупному. Вот если бы он ушел на вольные хлеба сам, то и цена ему была бы соответствующая. Мало ли бывших коллег работают в частных фирмах и живут припеваючи? Шibaев до сих пор не решил, правильно ли он сделал, рассказав Заказчику о своем падении. То есть, головой он понимал, что поступил правильно, так как земля слухами полнится, и узнать такому человеку, как Заказчик, что с ним случилось, раз плюнуть – не для того же он ушел, чтобы заниматься всякой мелочовкой, вроде засад на блудящих мужей. Бизнес, от которого его изначально тошнило, а куда денешься? Друг детства Алик Дрючин, адвокат, поставляет клиентов. Правда, с дальним прицелом, не забывая и себя, – людей, которым веришь в наше подлое время падения устоев, можно пересчитать по пальцам, причем за глаза хватит одной руки. А клиенты у Алика самые разношерстные, и услуги частного сыщика, которому можно доверять, на вес золота. До золота правда не дошло, но в финансовом отношении жизнь, можно сказать, вошла в колею. Хотя с души воротило. Шibaев был мент и никогда не видел себя вне структуры. Конечно, бывало и у них всякое – и грязь и подлость, но он, как собака-овчарка, твердо знал, что голодный ли ты, сытый, несправедливо выпоротый кнутом пастуха, – а стадо нужно охранять. Хотя, какой там кнут... Шibaев ходил в любимчиках, и будущее у него было светлым и безоблачным. Да что об этом сейчас.

Так что, скорее всего, он сделал правильно, рассказав правду, хотя и не любил выворачиваться наизнанку. Он был уверен, что вранье превращает человека в заложника. То есть привирать можно и даже нужно – так устроена жизнь, что без этого не обойтись, особенно в семейных делах, но когда доходит до серьезных вещей, да еще такой мужик, как Заказчик, – губы улыбаются, а в глазах лед – ждет ответа, то лучше не врать. Да и себя опускать негоже. Выгнали его за дело – поплатился, понес заслуженное наказание, не жалуется, несет крест. Кричать на весь мир о том, что с ним случилось, он не будет, но и на прямой вопрос даст прямой ответ. Если он Заказчику не подходит – ничего не поделаешь, разбежались, и точка! Был,

правда, в предприятии некий момент, определяемый Шibaевым как сомнительный. Чего мог хотеть от него Заказчик? Сделать его спецом по охране? Нет, людей для этого нехитрого дела хоть пруд пруди. Взять хотя бы выпускников скороспелых, выросших как на дрожжах клубов восточных единоборств. По оперативной работе? Вопрос – какой? А какую можно предложить коррумпированному менту, жадному до денег? Ясно, какую. Самую грязную. Тогда уж лучше преследовать гуляющих мужей и жен – тоже грязь, но не такая вредная для здоровья.

Он почти забыл о Заказчике, решив про себя, что сделка не состоялась. Товар оказался подпорченным. Да и гений дзюдо не перезвонил, как обещал. Да и не до них было Шibaеву. История с Ингой⁵, его страх... Шibaев помнит, как метался по городу и пригородным дачным поселкам, когда она исчезла, отгоняя от себя мысли о том, что с ней в этот самый миг происходит. Он помнит чувство облегчения, до слабости в коленях, до пустоты внутри, когда сердце замерло при виде Инги, бледной, осунувшейся, но живой, и снова дернулось, оживая. Это была радость, которую не выдерживают сердца.

И три дня «после освобождения», как оказалось, последних... Три дня, сжатых будто пружина, наполненных любовью, светом и планами на будущее. Никогда раньше он не испытывал такого восторженного желания жить. Как герой старой французской или итальянской песенки, он был пьян от любви, барахтался в своей любви, как щенок в луже в яркий солнечный день, захлебываясь, погружаясь и выныривая, глотая сладкий воздух. Он, дурак, думал, что она с ним... Дурак! Трижды дурак! Он еще рассуждал снисходительно о скороспелом романе Володи и Мары, доказывая, что Мара никогда не уйдет от мужа, которого не любит и боится. Никогда, потому что Артур – это устоявшаяся жизнь, статус, деньги и связи. Все, чего нет у Володи. Чего нет и у него, Шibaева. Он пел соловьем об их будущем, а Инга знала, что ничего этого не будет, потому что кончается отпуск, а с ним кончается любовь. Кончается курортный роман. И нужно возвращаться домой, к другому человеку, нелюбимому, или любимому, но не так, как любим он, Шibaев, зато надежному. «Что может дать ей твой Володя?» – говорил он Инге, а она, наверное, прикидывала, что может ей дать он, бывший мент, ныне мелкий частный сыщик. С таким даже на люди неловко показаться...

Их встреча в тот яркий весенний день была чудом! Напоминала вспышку космического тела – новой звезды, взорвавшей его пресную прежнюю жизнь, и теперь его существование разделилось на две части: до Инги, и после. Все, что было до, померкло, свернулось и исчезло, в мире остались лишь они двое. Любовь накрыла его со стремительностью весенней грозы – хлестали струи живительного дождя, слепили молнии, грохотал гром! Любовь была чудом, и он с готовностью неофита принял это чудо и поверил в него.

...Шibaев сидел на камне на берегу океана, а до Инги было рукой подать. Он старался не думать о ней, не допуская даже мысли о том, что согласился на предложение Заказчика из-за нее, смутно представляя себе, как идет по многолюдной американской улице, а она – навстречу. Видение Инги, идущей навстречу, повторялось с навязчивостью ночного кошмара. И ничего с этим нельзя было поделать. Вот она подходит ближе, поднимает глаза, замечает его... Мгновенное изумление в глазах, заминка, рука, прижатая к сердцу, краска, прилившая к лицу... радость? Испуг? Что почувствует Инга, увидев его? Он не знал. А что почувствует он сам?

Сколько раз он мысленно проигрывал эту сцену, говорил Инге все, что думает о ней. Резко и не стесняясь словами, прекрасно зная, что сцена существует лишь в его воображении. А что он скажет ей на самом деле? Мгновенный жар обливал Александра при мысли об Инге.

⁵ Историю Шibaева и Инги читайте в романе «Магия имени», изд-во «Эксмо».

Не знал он, что скажет... Что-нибудь, вроде небрежного: «Привет! Как жизнь?», испытывая мстительное наслаждение от ее замешательства.

А если она будет не одна? Если рядом окажется тот самый, заботливый и надежный, не так любимый, как Шибаев, но не в пример надежнее? И в глазах ее вспыхнет откровенный испуг? За себя, за свое благополучие? Что тогда? Ничего. Он пройдет мимо, только и всего. А может, все будет иначе, развивал он ситуацию. У них тут другой менталитет, как несколько раз повторил опытный американец, связник Лёня, ныне покойный. И в силу другого менталитета, она остановится, представит его своему спутнику и скажет что-нибудь вроде: «Мой старый друг, учились в одной школе. Мой... муж? Бойфренд? Рюмашку за встречу, а, мальчики? За знакомство?»

Шибаев в отношениях с женщинами всегда оставался самым собой, и ему была присуща спокойная немногословная уверенность, слегка снисходительная, в общении со слабым полом. Он словно знал что-то важное, чего не знали они, за что и был воспринимаем серьезно, любим и желанен. И только в мыслях об Инге он превращался в слюнявого неуверенного пацана, мучимого ночными поллюциями, прыщами и страхом оказаться несостоятельным в решительную минуту. Он никогда в жизни не испытывал страха потерять женщину. Может, не слишком дорожил отношениями? Инга разбудила в нем этот страх. А еще ему было стыдно... Он даже кулаки сжимал от стыда, когда вспоминал, как строил планы на будущее, распуская слюни... Сопляк!

Едва заметная тень слева и легкое движение заставили Шибанова сжаться. Он резко повернулся – совсем близко был человек с черным лоснящимся лицом, в белой синтетической куртке. Человек присел на камень рядом, руки он держал в карманах. Шибаев с трудом различал его черты, в основном зубы и белки глаз. Негр что-то произнес. Голос у него был неприятно-тонкий, гнусавый, с истеричными нотками. Наклонившись, он заглянул в лицо Шибаеву, ожидая ответа. «Ай донт андестэнд»⁶, – сказал Шибаев, и негр заговорил в ответ визгливо и быстро. От него явственно несло потом и какой-то дрянью. Шибаев различил только одно слово, которое тот все время повторял – «мэн» – «мужик». Негр требовал что-то, раздражался и брызгал слюной. Шибаев повел взглядом – пляж был пуст. Негр гулял один. Утомившись, он ткнул ладонь под нос Шибаеву. Тот отшатнулся и поднялся с камня. Негр вцепился рукой в рукав шибаевского пиджака. Вторая его рука назойливо лезла ему в лицо. Шибаев попытался оторвать от себя руку негра, но тот вцепился намертво.

Шибаев, недолго думая, ударил, и негр тут же сложился пополам, рухнул на колени и стал задыхаться. При этом он все еще цеплялся за рукав его пиджака. «Да что ж ты такой... квелий», – пробормотал Шибаев, уже раскаиваясь. Он подхватил негра под мышки, мельком ощутив выпирающие, тонкие, цыплячьи ребра, и усадил его на камень. Негр перестал задыхаться и заплакал, шмыгая носом. Он был унижен и растоптан белой сволочью. По закону жанра ему полагалось пару баксов на дозу. Только и всего. Зачем драться?

Шибаев, пошарив в карманах, протянул ему остатки салфетки. Тот отпрянул и прикрылся локтем. «Ноу мани, – произнес Шибаев. – Извини, мэн. Ай эм сорри». Негр вскочил с камня и отбежал на несколько шагов. Тут же оглянулся, проверяя нет ли погони. Увидев, что противник не двинулся с места и сидит на камне, негр заорал какие-то матерные слова. Он размахивал руками и делал непристойные телодвижения, виляя тощим задом. Потом смачно сплюнул, повернулся и пошел в сторону ресторанных огней.

А Шибаев подумал, что негр здесь хозяин, это его страна, а он гость – его пустили в страну, а он тут, понимаешь, руки распускает. Одна головная боль от таких пришельцев. Не успел появиться, как Лёню замочили. Кстати, о Лёне. А может, это – старые счеты? Лёня был из

⁶ I don't understand (англ.) – я не понимаю.

тех, кто обычно плохо кончает. Счета к таким копятя, пока не достигают критической массы, что имело место быть в ресторане. И не надо усложнять! Просто совпадение. Эх, если бы...

...Лёня встретил его в аэропорту. Маленький, плюгавый, в синей бейсбольной кепочке, с плакатом, на котором было коряво выведено «Волков». Незачем светиться раньше времени. Волков так Волков. Тоже красиво. Он подошел к Лёне, сказал: «Привет. Я – Волков». Тот тут же опустил плакат и протянул Шибаеву руку. Они пешком дошли до парковки – Лёня был на машине, старой обшарпанной «Тойоте» серого цвета. «Моя тачка в ремонте, – объяснил Лёня. – Взял тут у одного на пару дней». Шибаев, обладавший безошибочным чутьем на опасность, понял, что Лёня врет. От него за версту несло мелким криминалом, жульничеством и подлостью. Его вранье было предсказуемым и укладывалось в классическую схему поведения подобных типажей. Шибаев подивился про себя, что такого серьезного мужика, как Заказчик, связывали с ним какие-то дела. Он бы не доверил Лёне даже своих старых штанов.

Машина не хотела заводиться. Лёня ругался сквозь зубы. Мотор, наконец, заурчал, и они поехали кругами к выходу, где Лёня притормозил, вручил черному служителю талон и деньги. Они медленно продвигались по запруженному машинами и автобусами шоссе. Шибаев вертел головой, пытаясь узнать места, где проезжал почти три года назад. Но город вокруг был незнакомым.

«Первый раз?» – спросил Лёня. «Нет», – ответил Шибаев, не вдаваясь в детали. Разве объяснишь этому шибздику, что он бывал здесь раньше, да не просто так, а проходил стажировку в нью-йоркской полиции, подружился с сержантом Джоном Пайвеном и даже стал крестным отцом его сына Александра? То-то бы удивился Лёня, узнав, что Шибаев – бывший мент, да еще и водит дружбу с американскими копами. Хотя, хороший мент не бывает бывшим, как сказал однажды полковник Басков, у которого Шибаев ходил в любимчиках. В том смысле, что хороший мент всегда в строю. Бывает, бывает... еще как бывает! А иначе, что делает Шибаев в одной машине с Лёней?

«Давно Батю знаешь?» – спросил Лёня небрежно, слишком небрежно, не отрывая взгляда от дороги. Шибаев удержал встречный вопрос: «Какого батю?», и пожал плечами. «Тут шухер был летом, двоих от Бати завалили в баре «Империал»... – сообщил Лёня. – Копов понаехало, замели сотни две и наручниками к перилам». – «К каким перилам?» – спросил Шибаев. «На тротуаре... такие, как штанга, около бара, – Лёня показал рукой какие. – Держали всю ночь. Люди кричат, требуют лойеро́в... Это у них адвокаты – лойера. Так на земле и пролежали до утра, а утром набежали из газет, снова крики, камерами щелкают. Их копы всю ночь не пускали к задержанным. Один помер от разрыва сердца. А того, кого надо, хрен возьмешь. Вообще их полиция против нашей ништяк. Хоть у них техника всякая, рации, воки-токи, а хрен поймали. Они ж тупые, эти америкосы!»

Шибаев молчал, никак не реагируя на услышанное. Не те ли это два человечка, о которых говорил Заказчик? «А может, и не хотели поймать, – предположил Лёня через несколько минут. – Им же, чем больше русских замочат, тем лучше. Работы меньше. Они ж нас боятся. А Батя теперь залег на дно, так что и ты особенно не светись». И снова Шибаев промолчал, рассудив, что завтра они с Лёней разбегутся, и пусть он думает о нем, что хочет. Незачем воздух сотрясать. Он искоса посмотрел на Лёню, которого боится американская полиция, и улыбнулся.

...Гений дзюдо привел Шибаева к себе, как и в прошлый раз, и выскользнул из квартиры. Это было не простой деликатностью, а неписаным кодом поведения в той среде, где вращался Плюто. Заказчик уже ждал – сидел в кресле перед телевизором. На сей раз не было ни жареного мяса, ни маринованных огурчиков, ни водки – сугубо деловая встреча. Заказчик чуть приглушил звук телевизора, выжидательно посмотрел на Шибаева. Тот уселся на диван, заки-

нул ногу на ногу, не обнаруживая ни любопытства, ни нетерпения. Молча смотрел на экран, где известный политолог делился своим особым мнением на события в стране.

– Нужно найти одного человека... – произнес наконец Заказчик. – Мы думали, он здесь, перебрали по нитке его связи, друзей, знакомых... Одним словом, землю рыли и уже решили, что он покойник. А тут прошла информация, что он, оказывается, жив-здоров, обретается в Нью-Йорке. У меня была там пара надежных человечков. Поспрошали, вроде нащупали, да потеряли. Теперь кранты. Практически ни одной зацепки, но кое-что все-таки есть. Возьмешься?

«Была пара надежных человечков? – подумал Шibaев. – Была и уже нет?» Он не спешил отвечать, рассматривал свои руки, будто видел впервые.

– Найдешь и... – сказал после паузы Заказчик, принимая его молчание за положительный ответ. – Найдешь и... – повторил он снова и несильно хлопнул ладонью по журнальному столику. – Нет, никакой мокрухи, – он ухмыльнулся. Шibaев переменял позу, и он принял его движение за протест. – Просто найди его. Мне с ним поговорить надо. Понимаешь, поговорить... – Он внезапно замолчал. – Выяснить кое-что, одним словом. У тебя послужной список в порядке, я интересовался. Мне нужен твой опыт, Саша. Нюх. И в Штатах ты уже был, и знакомства подходящие есть в определенных кругах. На предмет информации... И вообще помощи, мало ли что...

Шibaев молчал. Предложение было абсолютно неожиданным. И заманчивым. Это настоящая работа. Та, которую Шibaев умел делать и которой ему так не хватало. Старый людовед Плюто знал, кого рекомендовать Заказчику. «Ну, Степаныч, – подумал Шibaев, – ни словом не обмолвился. Ни полсловом, конспиратор хренов!» Он медлил, опустив взгляд в пол, словно отгораживался от Заказчика, взяв тайм-аут, передышку перед прыжком в омут, с трудом сдерживая нарастающее чувство сродни восторгу: бросить все к чертовой матери – постылых рогосцев-клиентов, хронического алкоголика Алика Дрючина, всякую недостойную мелочовку – и выйти в глубокие воды. «Инга!» Ее имя ударило под дых, и он почувствовал боль. Ее имя окатило его жаркой волной и тонко зазвенело в ушах. Шibaев поднял глаза, наткнулся на жесткий испытующий взгляд Заказчика и кивнул.

...Он в третий раз набрал номер Заказчика на мобильнике, и в третий раз ему никто не ответил. Вернее, снова ответил оператор – сообщил, что абонент временно недоступен.

Глава 3. Лиля

Шibaев шагал по деревянному настилу, заложив руки за спину, и думал. Складывал вместе кусочки мозаики. Если исключить существование причин, неизвестных ему, то очень может быть, что Лёню убрали, как того мавра, который сделал свое дело. Встретил человека от Заказчика, привел в условленное место, показал кому надо. И свободен. А чтоб не вякал лишнего и не пытался продаться подороже, ему заткнули рот. И нейтрализовали заодно его, Шibaева. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что его здесь ждали. А также знали, зачем он прибыл и с кем собирается встретиться. Все знали. Утечка у Заказчика, не иначе. Тот, кого он собирался найти, Прахов Константин Семенович, кликуха «Прах», не лыком шит, принял меры предосторожности. Ударил первым. Лёня ничего не успел ему сказать – это его, Шibaева, прокол. Никогда ничего не нужно откладывать на потом. Он должен был немедленно поговорить с Лёней о деле и распрощаться. Хотя, если Лёня торговал информацией, толку в его связях что кот заплакал, вернее, совсем нет. Даже если бы он, Шibaев, добрался до нужных людей, то с ним в лучшем случае отказались бы разговаривать – никто бы не стал связываться с человеком от Лёни. А в худшем... А в худшем, он, прикрытый старым тряпьем, сидел бы сейчас в укромном месте, как Лёня. В чем была бы своя логика. Он пытается играть на чужом поле, да еще так грубо – вот и получил... штрафной.

Шibaев оказался не готов к такому повороту, считал, что дело в самом крайнем случае ограничится несильным мордобоем и детским визгом на лужайке. Чутье не сработало, утомленное многочасовым перелетом и разницей во времени. Убрался он из ресторана по чистой случайности – повезло, можно сказать. Каким бы крутым ни был бывший компаньон Заказчика, Шibaева он упустил. Так что счет один-ноль. А вот Лёне не повезло...

Существовала слабая надежда, что Лёню вывезут из ресторана в мусорном мешке и бросят где-нибудь на свалке. Интерес полиции – плохая реклама. Снова повертев эту возможность и так и эдак, Шibaев с сожалением ее отбросил – без полиции не обойтись. Лёня многим встал костью поперек горла, и его конец был предопределен, но то, что это произошло именно сегодня, не простое совпадение. Убрали не только Лёню. Убрали и его, Шibaева. Вывели из игры, натравили полицию. Свидетели покажут, что жертва ужинала в компании незнакомца, и подробно опишут его. Кто-то вспомнит, что Лёня упоминал о поездке в аэропорт. Дальнейшее – дело техники. Лёнина машина засветилась на стоянке аэропорта, где провела около часа. На видеofilmах в камерах слежения в аэропорту засняты Лёня с плакатом «Волков», и человек, которого он встречал, видимо, этот самый Волков. Хорошо, что паспорт и права оформлены на его настоящее имя, а ведь была мысль ехать под чужим, но Шibaев ее отменил после некоторого раздумья. Для того чтобы идентифицировать Волкова как Шibaева, потребуется время. Прочесать недорогие гостиницы вблизи Брайтон-Бич, предъявить фотографии Лёни и его, Шibaева, – на это тоже нужно время. Он сам провернул бы это быстрее – по старой памяти срабатывал трепет советского человека перед полицией, но американцы – бюрократы и буквоеды, что сказывается на скорости процесса. У него мелькнула мысль, что можно вернуться в гостиницу за чемоданом, но мысль эта изначально была дурацкой. Если дежурный за стойкой не рассмотрел его в первый раз, то во второй он такой возможности не упустит. Черт с ними, вещами, не стоят они доброго слова. Правда, там был бежевый шерстяной свитер, который они покупали вместе с Ингой.

Нож... Орудие убийства. Шibaев помнил ножи, которые им подали для мяса, – заостренные на конце, зазубренные, с массивной деревянной ручкой – обыкновенные надежные кухонные ножи... На одном из них – его отпечатки пальцев. И если этот нож каким-то образом окажется рядом с трупом, то шансы Шibaева попасть в лапы американской полиции стремительно

возрастают. Равно, как и шансы попасть в американскую тюрьму по обвинению в убийстве. А так как «русская мафия» уже всех достала, то можно схлопотать на полную катушку.

Фотографии его раздадут патрульным, еще через несколько дней появятся постеры на стенах полицейских участков и в разделах газет «America's most wanted», что в переводе значит «разыскиваются». И попробуй докажи, что ты не верблюд! Те, кто убрал Лёню, знали, что делали, – они вывели его, Шibaева, из игры. Это – стратегия. А тактика – через час-другой толпа на улице поредеет, и он останется один.

И снова Шibaев подумал, что самое разумное в данных обстоятельствах – мчаться в аэропорт Кеннеди, хватать самый дорогой билет – в бизнес-класс или даже в первый, потому что шансы купить билет в экономический класс прямо перед рейсом равны нулю. И линять. Рвать когти. Рулить отсюда, пока не поздно. Если бы не одно маленькое «но». С какой мордой, пардон, физиономией он, Шibaев, появится на глаза Заказчику? Гению дзюдо? Его наняли за хорошие бабки найти человека. Такие деньги на развлекательную прогулку за океан не дают. Такие платят за риск, предприимчивость и нюх. «Мне нужен твой нюх, Саша», – сказал Заказчик. Шibaев сейчас сдает экзамен на профпригодность – опытный сыскарь-международник нужен всем. Пара подобных миссий в год в любую точку земного шара – и безбедное существование обеспечено. Сейчас он должен завоевать свое право на такую работу, на место под солнцем, на будущее. Чтобы распротиться с опостылевшей службой и опостылевшими клиентами. Он – мент и всегда им останется. Частный Интерпол. Ищейка, идущая по следу. Со следом, правда, не получилось. Не повезло, но не так сильно, как Лёне. Или тем двум, людям Бати.

Чего же не поделили Заказчик и Прахов Константин Семенович? Деньги? Возможно. Но было еще что-то, какая-то старая обида, из тех, что до гробовой доски. Что-то чувствовалось в голосе Заказчика... И пошли по следу Прахова Константина Семеновича человечки Заказчика, каждый со своим заданием. Сведение счетов таких крупных фигур – это своеобразная линия сборки, где у каждого участника своя задача. У Лёни – своя, у него, Шibaева, своя. У людей Бати – своя... была.

Он не торопясь прошел мимо «Старой Аркадии». Начало третьего. Около ресторана тихо – ни полиции, ни толпы. Здесь еще попадают прохожие, но мелкие улочки, ведущие к океану, пустынные, и в них гуляет эхо. К его удивлению, овощные лавки были ярко освещены и еще работали. Он постоял, рассматривая горы желтых и зеленых яблок, громадных лимонов, крупного и мелкого винограда, краснобоких персиков, десятки разноцветных баночек и бутылочек с маринадами и приправами, жестянок и коробочек с чаем и кофе. Мимо, почти задев его краем плаща, прошла женщина с пышными белыми волосами и остановилась рядом. Резко дернув за край пластика, намотанного на барабан, оторвала один за другим три или четыре пакета. Шibaев наблюдал, как она деловито накладывает в пакеты яблоки, сливы, помидоры. Два яблока, четыре сливы, два помидора – из чего он заключил, что женщина одинока. Они встретились взглядами, и он узнал безголосую певицу из ресторана, танцевавшую танец живота. Шibaев невольно улыбнулся, и она улыбнулась в ответ. Вблизи грим ее казался просто устрашающим – сильно подведенные глаза, кроваво-красные губы, кирпичный румянец. Да еще и блестки, сверкающие в волосах, на лбу и щеках. Заметив его взгляд, она сказала по-русски: «Не успела умыться, устала до чертиков». Он кивнул – ничего, мол, все в порядке. «Я тут рядом живу. Все равно никто не увидит, поздно уже...»

Он взял у нее из рук яблоки и помидоры. Она оценивающе смерила его взглядом и промолчала. Он добавил еще яблок, выбрал гигантскую кисть розового винограда, персики. Расплатился с улыбочивым корейцем, и они пошли рядом. У облезлого узкого, как башня, шестиэтажного кирпичного дома она остановилась, полуотвернувшись, стала рыться в сумочке в поисках ключа от подъезда. Шibaев видел, что она медлит, не решив, стоит ли его приглашать. Он протянул ей покупки, выказывая готовность бесконфликтно попрощаться. Это ее успокоило.

– Я вас видела, – сказала она. – Вы сидели с Лёнчиком!

– Вы его знаете? – спросил Шibaев.

– Его тут все знают, – ответила она со странной интонацией.

– Я его не знал, – ответил Шibaев. – Мы встретились только сегодня, нет, уже вчера вечером.

– А-а-а... – протянула она и, помедлив, спросила: – Кофе хотите?

Он кивнул, улыбнувшись.

– Как тебя зовут? – спросил он, когда они поднимались по лестнице на ее второй этаж.

– Лиля, – ответила девушка. – А тебя?

– Александр. – Он хотел сказать «Волков», но передумал.

– Я тебя не видела раньше, – сказала она, и Шibaев улыбнулся ее попыткам узнать о нем побольше.

– Я только что прилетел, – ответил он.

– Из дома?

Она остановилась на верхней ступеньке, и их лица теперь были на одном уровне. Блестки на ее лице сверкали в свете тусклой лампочки, что вместе с ненатурально большими глазами и темно-красным, почти черным ртом производило жутковатое впечатление – тут же приходили на память всякие вампиры, нежити и потусторонние силы.

– Из дома.

– Надолго?

– Пока не знаю, – ответил Шibaев честно.

Она отперла обшарпанную дверь, и они вошли в узкую, как щель, прихожую, освещенную синеватым светом рекламы на крыше дома через дорогу. Свет падал через открытую дверь комнаты, и рекламный щит был отчетливо виден в окно. «Sleepies... M... tras... es... Reasonable prices»⁷ – гласил щит. Третий лампочек перегорела, и щит был похож на улыбающийся беззубый рот.

Гостиная оказалась убрана довольно скромно – два дивана в центре – большой и маленький, между ними – кофейный столик, заваленный газетами и журналами; телевизор на низком комодке справа от окна, у противоположной стены стол и четыре плетеных стула. В прозрачной стеклянной вазе на столе выгоревшие искусственные цветы из шелка – большие красные и розовые пионы. На полу тусклый ковер. На спинке большого дивана – ворох пестрых женских одежек.

– Я не ожидала гостей, – произнесла Лиля традиционную фразу, проворно сгребла одежду и вынесла ее в другую комнату, видимо, спальню, открыв дверь ногой. – Садись, – пригласила она, махнув рукой на диваны. – Я сейчас сделаю кофе. Только сначала умоюсь. Ты не голоден?

Не дожидаясь ответа, она выскользнула из гостиной, оставив Шibaева одного.

Он не стал садиться, а прошелся по комнате и выглянул в окно. Пустынная улица была неярко освещена уличными фонарями. Близость океана создавала особый микроклимат – в теплом воздухе висели мелкие капельки влаги, и в мокром асфальте, как в кривом зеркале, отражалась щербатая реклама матрасов. Через дорогу наискосок видна была корейская лавка, где они купили фрукты. Шibaев рывком поднял кверху раму – в комнату тяжело вползли влажный воздух и густой запах близкого океана. Он уселся на большой диван, потянул к себе толстую газету на русском языке, пролистал, прочитал несколько объявлений.

⁷ Спальные принадлежности. Матрасы. Разумные цены.

* * *

Лиля переделалась – сейчас на ней были голубые джинсы и розовая майка с черным котом на груди. Лицо, отмытое от грима, стало каким-то детским, беззащитным. Наверное, из-за почти незаметных белесых бровей и ресниц и очень белой кожи. Она сняла свой пышный белокурый парик – ее собственные волосы были рыжевато-русые, коротко остриженные. Крупный рот, тонкая шея, плоская грудь – в ней ничего не осталось от давешней женщины-вамп из ресторана.

– Устала? – спросил Шibaев.

– Привыкла, – ответила Лиля, усаживаясь на маленький диван напротив, который, как Шibaев помнил, назывался «лавсит». – Днем сплю, ночью работаю. – Она подавила зевок.

– Давно ты здесь?

– Четыре года.

– Домой не тянет?

– Со страшной силой! – Она сплела пальцы на затылке, потянулась. Грудки проклюнулись на обтянувшей тело майке. – Там у меня родители, сестренка. Младшая. Отец зовет домой, а мама говорит, не торопись, тут... в смысле, дома, тебе делать нечего. Если бы не мои деньги, даже не знаю... а так – они крутятся, сестренка учится на экономическом. Я из Воронежа. Как там, дома?

Шibaев пожал плечами, не умея ответить однозначно.

– То-то и оно, – сказала Лиля. – Мама говорит, выходи замуж. К нам, говорит, приезжают американцы за невестами, даже брачное бюро открыли. Не вздумай возвращаться! – Она задумалась ненадолго. – Здесь, конечно, не сахар, но жить можно.

– А замуж? – спросил Шibaев, которого забавляла ее искренность.

– За-а-муж? – пропела Лиля и рассмеялась. – Без денег, без профессии, без визы? Потому и домой поехать не могу – не вернусь. Америка как наркота – подсаживаешься и уже не брошишь. Тут недавно один из Африки, черный, получил гражданство, ждал шестнадцать лет, и в тот же день выиграл почти два миллиона в лотерею. Во везуха! Работает надсмотрщиком в женской тюрьме. Показывали по тэвэ – его самого, жену. Я тоже покупаю билеты... Не часто, пятерки жалко. Все равно не выиграю. Я никогда не выигрывала. Я вообще не понимаю, как можно угадать все шесть цифр!

– Я тоже не понимаю, – признался Шibaев, с удовольствием наблюдавший за ней. Разница между женщиной из ресторана, исполнявшей танец живота, и подростком, сидящим перед ним сейчас, была разительной.

– Ох, – встрепенулась она, – кофе! Совсем забыла! Тебе какой?

Видя, что Шibaев не понял, пояснила:

– Крепкий? С молоком?

– Не очень, – ответил он. – С молоком.

– Ты голодный? – спросила она в третий раз, и Шibaев понял, что она устала до чертиков, валится с ног и не помнит, о чем уже спрашивала.

– Не голодный, – ответил он. – Я же был в ресторане, помнишь?

– Помню, – она улыбнулась. – Я тебя сразу заметила. Еще говорю Аннушке...

– Кто такая Аннушка?

– Подруга. Она тоже поет...

– Толстая? В черном платье? – уточнил Шibaев. «Старая? С визгливым голосом?» – подумал про себя.

– Не очень толстая. Ага. Я говорю, смотри, кто с Лёнкой! А она говорит, не наш, новенький, не знает, с кем связался! Это про Лёнку.

– Вы с Аннушкой всех гостей обсуждаете?

– Не всех! – девушка расхохоталась. – Сегодня только тебя! Ты Аннушке понравился. Она мужиков насквозь видит. Говорит, крепкий, надежный... Это про тебя. И красивый. – Она взглянула на него лукаво.

– А что про Лёньку?

– Лёнька... Я так и сказала Аннушке, что Лёнька разведет тебя на бабки. Увидел нового человека...

– Каким образом?

– Да мало ли... Впарит машину без колес. У него бизнес – торгует старыми машинами, всякой рухлядью, краденными мобильниками. Кличка «Телефон». Его уже били несколько раз. Один раз он вообще исчез, целый год его не было. Так что ты с ним поосторожнее, ты еще ничего тут не знаешь.

– Спасибо, буду поосторожнее.

– А где ты остановился?

– Нигде пока. Мы договаривались с одним знакомым, но он меня не встретил.

Шибает не стал вдаваться в подробности. Он знал по опыту, что женщины всегда верят лишь тому, чему хотят верить, игнорируя такие мелочи, как логика и здравый смысл, а недостаток информации с лихвой восполняют собственной фантазией, расставляя точки над «i».

Лиля смотрела на него, решая что-то про себя. Потом отвела взгляд и сказала:

– Хочешь, оставайся. – Подумала и прибавила: – Я живу с подругой. Она сейчас в Майами, у нее там бойфренд ресторан держит... Можешь спать здесь, – она слегка порозовела.

– Спасибо. А кофе будет?

Она всплеснула руками:

– Кофе! Сейчас принесу!

– Давай на кухне, – предложил Шибает. – Поздно уже.

– Пошли, – сразу согласилась Лиля. – Может, яичницу сделать?

– Не нужно, только кофе.

Шибает сидел на высоком табурете, ждал кофе. Кухня была узкая, полутемная, скучная, с крошечным узким, как бойница, окном, выходившим на красную кирпичную стену соседнего дома. Старая газовая плита, вместо стола – стойка как в баре, во всю длину кухни. Над ней до потолка шкафчики с отлетевшими ручками. Капающий кран, облезшая эмалированная раковина. Спешащий по своим делам рыжий таракан торопливо пересекал стойку. Достигнув стены, проворно исчез в щели, будто нырнул. Лиля, поднявшись на цыпочки, достала из шкафчика яркую керамическую тарелку, а из холодильника – пачку печенья. Заметив его взгляд, пояснила:

– Ничего нельзя оставлять. Тараканов полно. А в холодильнике нормально. – Она высыпала в тарелку печенье, тонкое, почти прозрачное, темно-коричневое, посыпанное сверху кристалликами сахара. – Мое любимое, – она откусила кусочек. – Кофейное. Бери!

Главное достоинство кофе заключалось в его температуре – ни горячий, ни холодный – как раз такой, как любил Шибает, по утрам обычно запивавший им бутерброд. Как-то Алик Дрючин, побывавший в Вене у своей очередной невесты, рассказал ему, что австрияки были потрясены его манерой запивать еду кофе. Они сами, как приличные люди во всем мире, пьют кофе под занавес из крошечных чашечек, очень крепкий и, упаси боже, без сахара, не говоря уже о молоке. Можно, правда, со сливками. Невеста Алика, тоже юрист, с которой они вели одно дело с «двух сторон» или, вернее, из двух стран, курила сигарету за сигаретой и без передышки «хлестала» эспрессо. «А мне, чем эту отраву хлебать, лучше стакан водки, – пожаловался Алик. – Присмотрелся – зубы у нее желтые, здоровые как у лошади, и табачищем несет. Нет, что ни говори, наши женщины самые красивые...» Шибает понял, что Алик Дрю-

чин созрел для нового брака. Год назад после развода он орал, напившись и припадая к шибавской груди: «Змеюки подколотные! Жадные, подлые, мерзкие! Никогда! В страшном сне! Ты, Саша, молодец! Как тебе удается? Свобода, брат, это великое состояние души и тела». Потом появилась длиннозубая немолодая австриячка с сигаретами и эспрессо, очень умная, которую Алик в шутку окрестил «моя невеста». Сначала в шутку, а потом и всерьез.

Кофе Шибав любил с молоком и сахаром. А чай – очень крепкий и без сахара. Лиля, стоя, хрустела печеньем. Александр сидел на табуретке, упираясь коленями в нижние шкафчики, пил кофе из большой синей кружки с желтой птицей, похожей на курицу. Первая стадия знакомства – самая легкая – закончилась, и легкость сменили паузы и ощущение неловкости. Они не знали, о чем говорить. Лиля украдкой взглядывала на Шибаву, и он понял, что она не знает, как он поступит дальше. В молчании допили кофе, и Шибав сказал: «Иди спать. Я вымою посуду». Лиля покраснела, а он притянул ее к себе, не рассчитав – получилось слишком сильно, и они стукнулись лбами. Она прижалась к нему – теплое дыхание обожгло шею – и потерлась щекой о его щеку. Он почувствовал неловкость, так как был небрит. Все барахло осталось в гостинице. Отстранив девушку от себя, он поцеловал ее в губы. Оторвался с трудом и сказал: «Иди!» – «Не хочу!» – ответила Лиля, обнимая его за шею.

Они целовались: он – сидя на табуретке, а она – стоя меж его коленей, прижимаясь губами к его губам с такой силой, что он ощутил легкий солоноватый привкус крови. Он отодвинул Лилю от себя и сказал внезапно осипшим голосом: «Брысь!»

«Пошли», – она взяла его за руку и потянула с табуретки. Он шел за ней, думая, что еще не поздно остановиться. Они вошли в крохотную спальню, освещенную знакомой уже синей рекламой матрасов на соседней крыше. Шибав произнес негромко: «Я приму душ...». – «Около кухни слева», – ответила она, выпуская его руку.

Он стоял под жесткими струями, испытывая, несмотря ни на что, состояние почти восторженное от горячей воды, от того, что славная девушка ожидает его в спальне. И совсем чуть-чуть угрызения совести.

Легкий сквознячок скользнул по лицу, отодвинулась голубая занавеска, и Шибав увидел Лилю. Обнаженная, она переступила через высокий бортик ванны и пробормотала щекотно ему в ухо: «Я принесла тебе халат». Он рассмеялся.

...Закрыв глаза, они целовались под теплым ливнем. Он раздвинул коленом ее ноги, и она качнулась ему навстречу.

...Лиля уже спала, а Шибав сидел на кухне, переваривая разговор с Заказчиком, до которого ему удалось, наконец, дозвониться.

– Это Волков, – сказал он, с облегчением услышав отрывистое «да!»

– Как жизнь, Волков? – после легкой заминки произнес Заказчик. – Что нового?

– Погода испортилась, – сообщил Шибав, чувствуя себя глупо от такой пионерской конспирации.

– Сильно испортилась?

– Сильно. Даже выходить не хочется. Лёня заболел.

– Понятно, – ответили с той стороны и воцарилось долгое молчание.

– Алло? – позвал Шибав.

– Я здесь, – сразу же отозвался Заказчик. – Думаю. Ты... – начал он и снова замолчал. –

Вот что... раз ты там – сиди до упора. Что-нибудь сообразим.

– Я буду сидеть, но мне нужна хоть какая-то зацепка. Мы не успели поговорить... к сожалению.

Заказчик чертыхнулся сквозь зубы и спросил:

– Ты где сейчас? Место надежное?

– Надежное, но не надолго.

- Понятно. Я перезвоню.
- Постарайтесь не... – Шibaев замялся, не решившись произнести «болтать».
- Не буду, – ответил Заказчик. – Понял. Ни одной живой душе. Жди!

Ждать... Герой шпионского романа Богомила Райнова тоже ждал, сидя где-то на чердаке в чужом городе. А снаружи шел дождь, временами переходящий в ливень.

Шibaев на цыпочках вошел в спальню – Лиля спала на животе, раскинувшись поперек кровати, едва прикрытая махровой простыней, – тонкие руки, острые локти, круглая голова со светлыми перышками волос. Синеватая в свете рекламы девушка напоминала русалку. И немного... Ингу. Только у Инги волосы совсем светлые... и длиннее. Шibaев стоял в дверях и смотрел на Лилю, представляя, что там лежит Инга. Однажды, очень давно, он стоял точно так, подыхая от любви, на пороге собственной спальни, а Инга лежала так же, как лежит сейчас эта девушка. Он смотрел на ложбинку вдоль ее спины, нежную ломаную линию узкого плеча, тонкие светлые растрепанные волосы, а она подглядывала за ним одним глазом. Он стоял, продолжая миг, превращая его в вечность, вбирая в себя Ингу – тонкую руку, согнутую в локте, блестящий глаз, ямочку под коленом – зная, что никогда ему этого не забыть.

Осторожно, стараясь не потревожить девушку, он потянул к себе одну из подушек. Лилля даже не шелохнулась, только вздохнула во сне. Он прикрыл дверь в спальню и вернулся в гостиную. Бросил подушку на диван, сел рядом и задумался. Чутье мигало красными лампочками и вопило, что нужно выбираться отсюда немедленно. Машина поиска уже запущена. Завтра... уже сегодня, выйдя на работу, Лилля узнает, что Лёнчик убит. И ей станет понятно, почему он, Шибалов, так поздно бродил по улице, почему навязался ее провожать и остался на ночь. Самое время уйти. Куда? Он взглянул на часы, лежавшие на журнальном столике. Пять утра. Скоро начнет светать. Пара часов у него еще есть...

Он достал из кармана пиджака мобильник, положил рядом с часами. Выглянул из окна, полюбовался на пустую улицу – на мокром асфальте расплывался свет фонарей. Потом проверил замок на двери, постоял немного, прислушиваясь к тишине на лестнице – где-то, похоже, в квартире на нижнем этаже, работал телевизор – слышались автоматные очереди и женский визг. На лестнице было тихо. Он вернулся в гостиную, улегся на диван и закрыл глаза, приказав себе спать не больше часа. Уже засыпая, он подумал, что все не так плохо. Просто придется задействовать план «В». Только и всего. Так даже интереснее. У героя любого триллера на всякий пожарный случай имеется план «В», а то и «С». Правда, у него, Шibaева, в отличие от героя триллера, плана «В» не было...

Глава 4. Бегство

Организм отказался подчиняться команде, и Шibaев благополучно проспал до полудня. Открыл глаза, повел взглядом по незнакомой комнате, которая днем выглядела еще более скромной, чтобы не сказать бедной, чем при электрическом свете. Погода испортилась, за окном шел серый дождь – капли барабанили в подоконник. В квартире ощущалась сырость и стоял запах, как на старой даче. Снаружи доносился ровный городской шум, где-то рядом ревел кондиционер, на этажах работали на полную мощь телевизоры. Квартира была, как остров, со своей особой атмосферой пустоты и относительной тишины.

Шibaев потянулся за часами. Половина первого! Голова была тяжелой – от вчерашней водки, от неудобного дивана. Он с силой потер лицо ладонями. Прислушался. Встал, подошел к двери в спальню, осторожно приотворил. Заглянул. Лиля спала, свернувшись клубком, укрывшись до макушки, – только рыжеватые перышки торчали наружу. Он закрыл дверь, рассудив, что пока она спит, он должен составить план действий. Попросту говоря, уйти. Поймать такси и уехать... куда? На Манхэттен, который он немного знал и где легче затеряться. Но таксист запомнит его – отсюда до Манхэттена добираются на метро, иначе – очень дорого! Значит, надо пройти одну-две остановки и уехать на метро оттуда. Хорошо бы купить карту сабвея. По дороге он видел книжный магазин «Санкт-Петербург», придется зайти. И неплохо бы купить где-нибудь одежду. Но не здесь. Здесь люди смотрят друг на друга по неистребимой советской привычке – окидывают взглядом, будто фотографируют, в отличие от американцев, которые не обращают ни малейшего внимания на окружающих. Чем скорее он выберется из маленькой Одессы, тем лучше.

Шibaев умылся в крошечной ванной, стараясь не смахнуть на пол разноцветные баночки и бутылочки. Пригладил волосы. Провел рукой по небритой щеке. Ему пришло в голову, что современному человеку для нормального функционирования нужна масса вещей, без которых люди прекрасно обходились сравнительно недавно, – всякие кремы для бритья, шампуни, дезодоранты. Это мужчинам. Женщинам нужно намного больше, просто удивительно, как они разбираются во всем этом хозяйстве. Сколько же времени теряется даром!

Шibaев критически рассматривал себя в тускловатом зеркале – мрачная небритая физия с рубцами от неудобной подушки, настороженные глаза, красные от недосыпа, насупленность. Если добавить сюда несвежую рубашку, которую он не успел сменить вчера в гостинице – Лёня торопил, – и неглаженные брюки, то внешность его вызывает большие сомнения и сильное желание проверить документы. Как бы он ни пытался расслабиться на улице, демонстрируя беззаботность, ему не удастся скрыть ощупывающий взгляд и настороженное выражение лица. Даже походка его напоминает осторожную поступь зверя, избегающего капкана. От него за версту несет опасностью и неуверенностью. Черт!

Шibaев был голоден, а с улицы и в дверные щели квартиры полз запах еды – жареного мяса, кофе и чего-то необыкновенно аппетитного, вроде тушеных грибов. Два с половиной года назад он месяц стажировался в тридцать пятом полицейском участке Нью-Йорка. Его «бадди»⁸ был сержант Джон Пайвен, обожавший китайскую еду, он присматривал за Шibaевым, как нянька. Прозвище у Джона было «Болд игл», что значит «Лысый орел», по причине раннего облысения. Джон таскал его по дешевым китайским забегаловкам, где поразительно вкусная еда продавалась на вес, и фунт стоил три доллара, даже не три, а всего-навсего два девяносто девять – будь то тушеные баклажаны, цыпленок в апельсиновом соусе, свинина, побеги бамбука или креветки. Они набирали китайскую снедь из прямоугольных металлических судков

⁸ Buddy (англ. разг.) – приятель, напарник.

в большие бумажные тарелки – все в кучу. Пили китайское пиво из горлышка и разговаривали за жизнь. Пиво, к удивлению Шibaева, оказалось довольно приличным.

Джон Пайвен был добродушным парнем, вечно скалил зубы, спрашивал, как будет по-русски то или иное слово, и старательно повторял несколько раз, чтобы запомнить. Он сообщил Шibaеву, что у него самого русские корни – отец Джона из немецкого плена попал к союзникам. Почему – Джон не знал точно, но предполагал, чтобы не возвращаться к коммунистам. Джон утверждал, что его фамилия – Пайвен – русская и, как рассказывал ему папа, очень распространенная. Шibaев только пожимал плечами – не слышал он такой фамилии! Джон не поленился, тут же позвонил отцу в Нью-Джерси и выяснил, что «пайвен» – по-русски петух. «Пивень!» – догадался Шibaев, это же по-украински! Отец Джона, оказывается, украинец, что не имеет теперь значения – в первую очередь, он американец.

За год до поездки Шibaев закончил ускоренные курсы английского языка и считал, что может без труда общаться с американцами. Оказалось, не может. Он лепил неуклюжие фразы на английском, старательно переводя их с русского. Все вызубренные слова и выражения, а также «формулы вежливости» испарились из его головы без следа. Но самым паршивым было то, что он не понимал их. Он не понимал Джона Пайвена. Ни Джона, ни его коллег. Они говорили иначе, чем продвинутая учительница с курсов, прожившая в Америке несколько лет. Видимо, ей не приходилось общаться с полицейскими Нью-Йорка. Язык учебника и живой разговорный – две большие разницы. Не говоря уже о профессиональном сленге.

«Все правильно, – думал Шibaев угрюмо. – Нас тоже хрен поймешь!» Они общались с Джоном на странной смеси английского, русского и специфического нью-йоркского жаргона, а также на пальцах и, самое странное, уже через неделю почти понимали друг друга.

Все время своей командировки Александр вышагивал в форме американского полицейского и страшно нравился себе. Косился украдкой в зеркальные стекла витрин, пытался смотреть на себя глазами прохожих – бравый амбал-коп, подтянутый, высокий, в черной форме со всякими блестящими штуками...

Шibaев вздохнул и вышел из ванной. Лиля в коротенькой шелковой рубашке – синей в желтые цветы, босая – появилась из кухни. Подошла, потерлась макушкой о его подбородок и сказала: «Доброе утро». Обхватила руками, встав на цыпочки, поцеловала в губы. Взглянула из-под припухших век ему в глаза. Он невольно ответил на поцелуй. Она стала расстегивать пуговички на его рубашке и, расстегнув, прижалась лицом к его груди. Шibaев отвел ее руки, поцеловал ладонки – одну, потом другую. Она взглянула вопросительно – что?

– Может, позавтракаем где-нибудь? – предложил он.

– Можно на бордвоке, – сказала Лилия. – Там сегодня весело, праздник.

– Какой праздник?

– Еврейский. Суккот. Будут петь и танцевать. Хасиды придут с веточками и книжками.

Вообще мне нравится, как они их отмечают. Наши праздники все одинаковые, главное – напиться и набить кому-нибудь морду. А здесь танцуют, смеются, поют... В октябре сплошные праздники. – Она стала загибать пальцы. – Сначала рош-хашана, в самом начале октября, их новый год... Кстати, у них уже пять тысяч шестьдесят какой-то... Аннушка рассказывала. Потом еще один, очень важный, забыла, как называется, и теперь суккот.

– Что такое «суккот»?

– Мне Аннушка объясняла. Это вроде палатки... ну вроде, как они скитались в пустыне и жили в палатках. Тысячи лет назад, в Египте. Народу будет, не протолкнешься. Можно на бордвоке посидеть под тентами. Там хорошие ресторанчики.

– А дождь?

– Это же Нью-Йорк! – Лилия радостно засмеялась. – Тут погода каждые пять минут меняется. Смотри, уже солнце!

Действительно, солнце – бледное, выморочное, какое-то зеленоватое, как парниковая капуста, – уже заглядывало в окно.

– А может, дома? – спросил Шibaев. Ему было не до веселья.

– У меня ничего нет, – сказала Лиля виновато. – Пустой холодильник. Я не готовлю, только овсянку на завтрак. Залила кипятком, и все. А вечером мы с Аннушкой ужинаем на работе. Там всегда полно еды остается. Сначала я даже брала домой, а потом перестала. Стала поправляться... просто ужас!

– Когда тебе в ресторан? – спросил Шibaев. Ему давно хотелось спросить, когда она уходит из дома, но как-то не подвернулся случай.

– К семи. Но я не пойду сегодня, – ответила девушка, лукаво глядя на него. – Я позвонила Аннушке, сказала, что заболела. Знаешь, она сразу просекла... Спрашивает, ты одна? Я говорю, нет. Анька из мертвого все вытянет, – объяснила она, оправдываясь.

– Ты сказала ей что... кто?

– Она сама догадалась, – ответила Лиля, смутившись. – Честное слово.

Чертыхнувшись про себя, Шibaев сказал:

– Может, ты купишь что-нибудь, и мы по-быстрому...

– Ты не хочешь на океан? – В голосе ее звучала обида.

– Хочу, но мне нужно встретиться с... одним человеком. – Он взглянул на часы. – Давай в другой раз. – Это была жалкая мужская отговорка, которой женщины обычно не верят.

– Почему? – спросила Лиля, перестав улыбаться. Она смотрела на него взглядом побитой собаки.

Шibaев умел в корне пресекать всякие поползновения «наступить себе на хвост и сесть на голову», как называл это Алик Дрючин. «С ними нельзя по-человечески, – говорил тот. – Сразу наступят на хвост и сядут на голову». Но сейчас – то ли сказывалась стрессовая ситуация последних суток, то ли ему было жалко неприкаемую Лилю – но Шibaев чувствовал себя препогано. В довершение всего Лиля заплакала.

– Успокойся, – он погладил ее по голове. – У меня тут дело, я ведь не в гости приехал... Понимаешь? Я сюда на несколько дней всего. Ты хороший человек, просто я не для тебя. Ты еще встретишь своего парня...

Он нес какую-то чушь и был противен самому себе. Он жалел Лилю, а помочь ей не мог. Он мог бы сказать ей: «Езжай домой» – а что дома? В России таких, как Лиля, много...

– Извини, я позвоню тебе... – пробормотал он. – Не плачь, а то я сейчас тоже заплачу, ну?

Но Лиля все всхлипывала, вцепившись в рукав его несвежей рубашки, оплакивая свою нелепую судьбу, одиночество, напрасные надежды. Тут, к счастью, зазвонил телефон. Она замерла, оторвалась от Шibaева и взяла трубку. Он насчитал в квартире три телефона – в прихожей, спальне и на кухне. «Да, – сказала она в трубку. – Да. Что?» Она еще несколько раз повторила «да» без всякого выражения и ни разу не взглянула на Шibaева. В том, как она сдержанно повторяла свое «да» и старательно не смотрела на гостя, была настораживающая нарочитость. Шibaев почти слышал, как ее подружка, пожилая Аннушка, возбужденно шипит в трубку: «Лёнку зарезали, мне только что позвонили, такой ужас, вчера вечером прямо в ресторане. Ночью было полно полиции, ищут твоего... ты осторожнее... В случае чего, я тебе не звонила!»

Лиля положила трубку и только потом взглянула на Шibaева. Он рассчитывал увидеть страх в ее глазах, но не увидел.

– Лёнку убили, – сказала она, глядя ему в лицо. – Тебя ищут, всех опрашивают...

Она просто смотрела на него, не ожидая никаких объяснений, словно прощаясь, и Шibaев подумал, что ему стало бы легче, если бы она закричала.

– Я не убивал, – сказал он и добавил: – Ты мне веришь? – Ему казалось страшно важным, чтобы эта случайная, ненужная ему девушка поверила, что он не убивал.

Она пожала плечами – какая разница? И он понял, что ей не жалко непутевого Лёньку. Ей жалко себя и свою внезапно проклюнувшуюся мечту, замерзшую на корню. Шибает повернулся и пошел к выходу. Он уже протянул руку, чтобы отпереть дверь, как вдруг легкий звук снаружи привлек его внимание. Шорох, едва слышное царапанье мокрой куртки по металлу двери – на лестничной площадке кто-то был, и этот кто-то сейчас прижимался ухом к замочной скважине, пытаясь уловить звуки в квартире. Шибает бросился в гостиную, рванул вверх раму. Она застряла, и он рванул еще раз – изо всей силы. Рама вылетела из гнезда, и по стеклу побежала паутина трещин. В дверь позвонили. Он оглянулся – Лиля стояла на пороге комнаты и смотрела на него. Глаза были как блюдца. Он, согнувшись в три погибели, протискивался в узкое окно. Еще вчера ночью Шибает заметил, что оно выходит на хлипкий козырек какой-то лавки. Если козырек выдержит, он сможет сделать несколько шагов влево и прыгнуть в узкую щель между домами. Если крыша не выдержит, то он провалится прямо на тротуар, под ноги прохожим...

«Кто?» – внезапно пришло ему в голову. Он участвовал в облавах в Чайна-тауне, и помнит, как полицейские без долгих разговоров вышибали двери подозреваемого и начинали стрелять. А вокруг дома стояли полицейские машины с включенными фарами, за которыми, как за щитами, прятались другие копы с винтовками. Сейчас все было тихо. Те, кто решил нанести визит девушке из ресторана, предпочитают действовать без шума и пока без полиции.

Оцарапав руки, Шибает выбрался из окна. Крыша под ним прогнулась, но выдержала. Он осторожно сделал шаг влево, держась за стену дома. Еще один, и еще – и прыгнул в заперченную щель, надеясь, что она не заканчивается тупиком с кирпичным забором. Ему повезло – пробежав вдоль стены бесконечного дома, а потом вдоль низкого забора, он оказался на тихой улочке с небогатыми коттеджами, усаженной платанами, почти пустой. Отряхнув рубаху и заправив ее в брюки, он зашагал по тротуару, стараясь не бежать и не оглядываться слишком часто. Свернул в первый попавшийся переулок, стремясь уйти подальше от дома Лили. Пройдя еще квартал, он остановил такси и попросил отвезти его в Шипсхед бэй – так называлась остановка метро, которую он знал. Там он собирался сесть в поезд, идущий до Манхэттена и снять номер в гостинице. После чего затаиться и ждать известий от Заказчика. Да, еще купить еды...

Оказавшись в машине в относительной безопасности, он впервые подумал о Лиле. Ему стало стыдно, что он удрал, оставив ее наедине с теми, кто стоял за дверью. Он уверял себя, что вряд ли ей грозит что-нибудь, им нужен он, Шибает, прекрасно понимая при этом, что он использовал человека и бросил в беде. Перед его лицом возникла картина – девушка в коротенькой синей рубашечке стоит и *молча смотрит*, как он, здоровенный мужик, торопливо, обдирая в кровь руки, лезет из окна. Этого Шибает про себя не знал, это было что-то новое. Он подумал, что надо бы вернуться... и что?

«Collateral damage» называл это Джон Пайвен. «Побочные или случайные потери». Например, потери среди гражданского населения во время полицейской операции. Всегда найдется случайный прохожий или выглянувший из окна любопытный, которого невзначай подстрелят. Ничего не попишешь, лес рубят, щепки летят. «Лучше, конечно, без этого, крику потом, разборки с родственниками, их адвокатами не оберешься, да что ж тут поделаешь? А журналюги? Враг номер один. Не завидую шефу, когда он распинается, как ему хорошо работается с прессой. Бывает. Ну, бывает, бывает! И ничего тут не поделаешь», – повторял Джон, разводя руками.

Лилия – случайная потеря, ей просто не повезло. И ничего тут не поделаешь. Сволочь ты, Шибает, последняя после этого!

– Остановите здесь, – вдруг сказал он неожиданно для себя.

Машина съехала к тротуару.

– Подождать? – спросил по-русски водитель, которого Шибает, занятый своими мыслями, даже не рассмотрел как следует.

- Не нужно! – бросил Александр и протянул ему деньги – стодолларовую банкноту.
- Нет сдачи, – ответил водитель. – Давай, подожду! А потом за все вместе. Ну, совсем бизнес стоит, не поверишь. – Он смотрел на Шibaева в зеркальце, и тому был виден карий глаз и частично – крупный нос.
- Ладно, – решил Шibaев, – тогда давай под эстакаду, там корейская лавка... называется... какие-то цветы...
- «Флауэрс оф зе Брайтон-Бич», – подсказал водитель. – «Цветы Брайтон-Бич».
- Кажется. Давай в переулок рядом с лавкой. И подождешь минут десять.
- Лады, – ответил водитель. – Кстати, я Грег.
- Очень приятно, – ответил Шibaев и выскочил из машины.

Глава 5. Collateral damage

Шibaев остановился на противоположной стороне улицы, около знакомой корейской лавки, осмотрелся. Район под эстакадой жил своей жизнью. Солнце снова спряталось, и под крышей стало сумрачно. Прогрохотал поезд. Слышалась музыка, покупатели деловито набивали фруктами пластиковые мешочки, которые потом укладывали в большие хозяйственные сумки на колесах. Около Лилиного дома ему все казалось вполне спокойным. Никто не шлялся со скучающим видом рядом, не подпирал спиной стену, ощупывая взглядом прохожих. Он подошел к дому, еще раз оглянулся, готовый чутко уловить любое движение, выпадающее из равномерного ритма улицы, – поворот головы, поспешный жест, которые шестым чувством свяжет с собой. Но все было спокойно. Шibaев подергал дверь знакомого подъезда, она оказалась запертой. Отойдя к краю тротуара, старательно роюсь в карманах, он мысленно примеривался, не выбить ли дверь, и как сделать это красиво и без шума, как она распахнулась и из нее вывалилась галдящая толпа испаноязычных людей. «Хай!» – Шibaев махнул рукой и вежливо придержал дверь перед пышной смуглой красавицей, которая улыбнулась ему благодарно. Он проскользнул в подъезд, не торопясь, двинулся вверх по лестнице.

Дом звучал: в каждой квартире орал телевизор, играла музыка, слышались громкие голоса – воскресенье. Лестничная площадка второго этажа была пуста. Он подошел к двери, прислушался. В квартире работал телевизор – Александр разобрал слова на русском языке. Ему показалось, он услышал посторонний звук, похоже, двигали мебель, что-то упало, кажется, разбилась тарелка.

Он посмотрел на часы – ровно одиннадцать минут назад он выбрался из окна на крышу. Шibaев осторожно приоткрыл дверь, прошел, прижимаясь к стене, по коридору, остановился у двери в гостиную. Там разговаривали.

– Пошли, – сказал мужской голос. – Хватит!

– Успеешь! – ответил ему второй, тонкий и возбужденный. – Говори, сука! – раздался звук удара и стон. – Где дружок?

– Она не знает! – вмешался первый. – Пошли! Ты, Серый, садюга. Оставь девку.

– Что, понравилась? Иди, я догоню, – ответил Серый. – Я быстро. Все она знает... Сука подзаборная!

– Я сказал, пошли! – повысил голос первый.

– Иди на...! – ответил Серый. В голосе его звенели возбужденные нотки. – Я сказал, догоню! Свободен!

Дальше послышалась возня, упал стул. И снова женский слабый крик. Шibaев выглянул – спиной к нему стоял невысокий парень, сунув руки в карманы. Видимо тот, кто урезонивал Серого. Лиля лежала на диване, свернувшись в клубок, подтянув колени к окровавленному лицу и вцепившись в них руками, словно стремясь прикрыть наготу и защищаясь. Рубашка ее была разорвана сверху донизу, Шibaев увидел узенькие белые трусики. Второй – Серый, короткий и плотно сбитый, стоя над диваном, расстегивал брюки. Шibaеву был виден толстый, в складках, красный загривок и влажные от пота белесые волосы.

Перевернутые стулья, разбитая ваза и разлетевшиеся по комнате выпавшие искусственные цветы довершали картину разгрома. И рама с разбитым им, Шibaевым, стеклом, прислоненная к стене рядом с окном.

Он не стал смотреть дальше. Метнувшись вперед, он вырубил стоявшего спиной мужчину, нанеся ему удар ребром ладони в основание шеи, стараясь бить не очень сильно – он не хотел убивать. Тот рухнул на пол, как подкошенный, не издав ни звука. Серый оглянулся, на лице – изумление, даже рот приоткрылся. Секундная заминка, и он, пригнув по-бычьей голову и оскалившись, бросился на Шibaева. Саша, испытывая восторг и бешенство одновременно,

словно мстя за собственную несостоятельность и подлость, за унижение, встретил его коротким прямым в челюсть. В следующий миг кулак Серого достал его – Шibaев почувствовал резкую боль в левом плече и ответил, вложив в удар весь вес, своим фирменным: «В то самое место – на три дюйма выше пояса строго посередине груди», как пишет в своих книгах уважаемый Шibaевым американец Алистер Маклин. Серый сложился пополам, инстинктивно прикрыл локтями живот и осел. Шibaев ударил его ногой. Потом, приподняв его с пола, ударил снова и снова. Не помня себя от ярости, он обрабатывал Серого, издающего хриплые булькающие звуки. Мужик оказался на редкость неповоротливым. Шibaев опомнился только, когда услышал крик Лили: «Саша, не убивай его!» Прикрывая грудь руками, она сидела на диване в своей разорванной рубашке и смотрела. Из уголка разбитой губы сочилась тонкая струйка крови, она все время вытирала ее ладонью. Она смотрела на Шibaева, и лицо ее не выражало ни облегчения, ни радости. Хотя, какая уж тут радость... Оно было совершенно пустым, ее лицо. И бледным в голубизну.

– Лилечка! – Шibaев бросился к ней. – Можешь встать?

– Могу, – ответила она неуверенно.

– Вставай, собери вещи, – он взял ее за плечо, помогая подняться, и она вскрикнула от боли. Шibaев поспешно убрал руку. – Самое необходимое, – сказал он, – документы, деньги. Умойся. Помочь тебе?

– Не нужно, я сама.

Она медленно поднялась с дивана, постояла, держась за спинку. Потрогала разбитое лицо. Направилась в ванную, на полпути остановилась, подошла к лежащему на полу Серому, нагнулась, со внезапным любопытством заглянула ему в лицо. Разогнулась, пнула ногой под ребра и плюнула. Слюна была розовой от крови.

Свет далеких планет нас не манит по ночам, —

выкрикивал с экрана жизнерадостный певец в позолоченном ресторанном интерьере – горы снеди, сверкающая посуда, сияющая хрустальная люстра – видимо, шел рекламный ролик.

«Зачем мы встретим рассвет
Опять в неоновых лучах,
И завтра все повторится!
Махнем со мной на небо как в забытом кино!
Помаши мне рукой, мы на другой планете
Придумали любовь...»

Шibaев щелкнул кнопкой пульта, и певец умолк на полуслове. Серый пошевелился и застал. Второй лежал молча.

Лиля появилась минут через десять, сильно накрашенная, в темных очках и каштановом парике, в черном свитере со стоячим воротом и коричневом кожаном жакете. С кожаной сумкой с вещами и маленькой золотой торбой на длинном ремешке. Шibaев был занят тем, что пытался вставить назад выбитую раму. Это ему почти удалось – если не пытаться открыть окно, рама продержится какое-то время. Если бы не трещины на стекле, то вообще было бы незаметно. Они спустились по лестнице – Лиля впереди, за ней Шibaев. Вышли на улицу.

– Ты можешь пока побыть у своей подружки в Майами? – спросил Шibaев.

Лиля пожала плечами – могу.

– Ее парень с Брайтон-Бич?

– Американец.

«Тем лучше», – подумал Шibaев. Они сели в такси, он сказал: «В аэропорт», и машина тронулась. Грег молчал, в зеркальце пассажиров не рассматривал. Хотя не мог не заметить опытным глазом таксиста-психолога, что у пассажиров есть проблемы.

Он привез их к терминалу, откуда летали внутренние рейсы, затормозил у высокого бордюра и сказал индифферентно:

– Могу вернуться за вами. Вы ведь остаетесь? Скажите, когда.

– Не нужно, – ответил Шibaев, – спасибо.

– Я могу запарковаться и подождать. – Грег не собирался отступать, лицо у него стало строгим – сервис превыше всего.

– Я не знаю, когда рейс, – ответил Шibaев. – Спасибо.

– Тридцать, – сказал Грег разочарованно.

Шibaев снова дернулся со своей сотней, Грег развел руками. Лиля вытащила из торбы деньги и протянула водителю. Тот взял, покопался в бардачке, нашел не особенно свежую визитку.

– Возьмите, вам же все равно возвращаться. – И, глядя на Шibaева грустными карими глазами, добавил: – Если бы ты знал, как меня достал этот Брайтон-Бич! Звони! – И уехал. Озадаченный Шibaев с минуту смотрел вслед машине.

Ближайший рейс на Майами был в семь сорок. У них оставалось в запасе около трех часов.

– Я не успел позавтракать, – сказал Шibaев. – И пообедать. Предлагаю все сразу! – фраза получилась какой-то глупой. – Пойдем, поговорим.

Лиля молча кивнула и пошла за ним, держась чуть позади, словно прячась за его спиной.

Им посчастливилось занять освободившийся столик в углу шумного кафе. Шibaев заказал гриль по-американски – громадную отбивную, полосатую от решеток, на которых ее запекали, жареную картошку и пиво. Лиля долго выбирала. Потом сказала: «Я не хочу». – «Надо, – ответил Шibaев. – Можно омлет... и вино. Хочешь? – Она кивнула. – Красное?» – Она снова кивнула.

И только сейчас, ожидая, когда принесут заказ, они посмотрели друг на друга. Дальше делать вид, что ничего не случилось, было просто неприлично.

Лиля сняла темные очки и взглянула на него в упор. Ему казалось, что в молодой женщине, сидящей напротив, ничего не осталось от вчерашней недалекой и доверчивой девушки.

– Прости меня, – начал Шibaев покаянно. – Я не думал, что так получится. – Правильнее было бы сказать, что он просто забыл о ней в ту минуту. – Они искали меня, ты ни при чем...

Слова его звучали неубедительно. Он походя разрушил непрочный мирок этой девушки, неустойчивое равновесие, удерживавшее ее на плаву здесь, в чужой стране, и теперь просил прощения. Ну простит она его, и что дальше? Если простит... На Брайтон-Бич дорога ей заказана.

– Ты убил Лёньку? – спросила она.

– Нет. Мы сидели вместе, он выпил лишнее, пошел в туалет. Через тридцать минут я пошел посмотреть, где он, и нашел его в кладовке. Мертвого. Мне пришлось уйти...

– Зачем ты приехал?

– Найти одного человека.

– Ты из мафии?

Хороший вопрос! Шibaев и сам не знал, из кого он.

– Я сам по себе, – ответил он. – Свободный художник.

– Киллер?

– Нет! Ну и фантазия у тебя, – он попытался засмеяться, но получилось плохо.

– А Лёнька зачем? – она по-прежнему смотрела ему в глаза, и во взгляде ее не было тепла.

– У него связи. А теперь его убили, и я... вроде как сел на мель.

– А когда ты его найдешь, этого человека, что ты с ним сделаешь? Убьешь?

– Моя задача – его найти. Точка. – Шibaев вспомнил своего друга Джона Пайвена, который в конце каждой фразы говорил: «Точка». – Лиля, – сказал он, накрывая ее ладонь рукой, – прости меня, дурака. Я и сам не знаю, как это получилось, что я как последняя шавка... Я был уверен, что тебя не тронут. Я виноват, бросил тебя, не остался с тобой. Я втравил тебя в чужие разборки. Все складывается по-идиотски...

Детский лепет. Он был противен сам себе. Даже голос у него стал какой-то жалкий. Человек, который оправдывается, редко сохраняет достоинство. Что бы он сейчас ни сказал Лиле, уже ничего не изменишь.

– Спасибо, что вернулся, – сказала она тихо. «Лучше бы дала по морде», – подумал Шibaев. – Я знаю одного из них, Серого. Он цеплялся ко мне раньше. Анечка однажды его отбрила. Это такая подлая мразь, такая мразь... – Она заплакала. Шibaев поднес ее руку к губам. Она плакала, всхлипывая и промокая слезы салфеткой.

– Ну, все, все, – бормотал Шibaев, – поживешь у подружки. Как ее зовут?

– Мила, – продолжая всхлипывать, ответила Лиля. Она начала приходить в себя. – А ты куда теперь?

Шibaев пожал плечами.

Им принесли американский гриль и омлет, и Шibaев набросился на еду. Последний раз он ел почти сутки назад. Лиля нехотя клевала омлет, запивала вином.

– Полетели со мной, – вдруг сказала она.

– Лилечка, не могу. Я думаю, тебе лучше держаться от меня подальше. Запиши мой телефон, – ответил Шibaев, – позвонишь, как долетела. И еще... – Он протянул ей конверт с частью своих «командировочных».

– Не нужно, – Лиля вспыхнула. – У меня есть.

– Бери, – он насильно сунул деньги ей в сумочку.

Грег уже ждал его на том же месте.

– Куда едем? – спросил он, когда Шibaев уселся на заднем сиденье.

– Мне нужно купить кое-что, если еще не поздно...

– Одежду? – спросил проницательный таксист.

– Одежду, еще всякие мелочи...

– Поедем в одно место... На базу, – ответил Грег.

– На базу?

– Да, там у меня свой человек. Ты давно из России?

Шibaев уже ничему не удивлялся. Он ответил:

– Вчера прилетел.

– Я так и подумал, – ответил Грег. – Как там?

Шibaев пожал плечами – разве в двух словах расскажешь? Но Грегу не нужно было рассказывать, он и сам все знал.

– Был я там прошлой осенью, в конце ноября. Мы из Питера. Двадцать лет не был, ехал, думал, сердце не выдержит. Меня друг приехал встречать, как увидел его – боже, думаю, неужели это Венька? Трепач, диссидент, поэт, остроумнейший мужик, и что я вижу? Старый, лысый, плохо одетый тип на замызганной «девятке» – и это Венька? И подумал, недаром умные люди говорят, никогда не нужно возвращаться. Обнялись, топчемся, ну, думаю, разревусь на хрен. А Венька сопит, вроде тоже реветь собирается. Венька, говорю, старый пес, сколько лет, сколько зим! А ведь живы, говорю, живы! Пробились к победе свободы и демократии! Пробились, отвечает Венька, но без особой радости. Я хотел сразу где-то отметить, но Венька сказал, что жена нездорова, обещал ей недолго. Еще встретимся, говорит. Ты как, удержишься?

Ты представляешь, друг приехал из Америки, двадцать лет не виделись, даже больше, сколько выпито вместе, а он обещал жене недолго отсутствовать! Недолго, представляешь, старик? Да... – с горечью протянул Грег и замолчал. – Погода была наша, ленинградская, вроде здешней – снег с дождем, но ветер, конечно, слабее. В Нью-Йорке тебя просто сдувает с тротуара и ухватиться не за что. Поверишь, едем, а у меня слезы по щекам... Останови, говорю, Вень, я пешком. Закинь чемодан к тетке. А сам пошел под дождем, без зонта, по лужам, расчувствовался, старый дурак, реву, как пацан... честное слово! Вышел на набережную... шпиль Адмиралтейства в тумане, все на месте, все как было, ничего не изменилось, Нева свинцовая... дождь... серость разлита в воздухе, и подсветка золотом из-под черных туч – закат где-то там прорезался, оптическая иллюзия, северное чудо. И такая меня тоска взяла оттого, что я двадцать лет пропустил, двадцать! Лучшие годы...

– Может, вернешься? – спросил Шibaев.

Грег не ответил, задумался. Меж тем они приехали к громадному павильону без опознавательных знаков, похожему на ангар, сработанному из рифленого алюминия.

– Пошли, – сказал Грег, и Шibaев, недоумевая, полез из машины.

Они подошли к двери, и таксист замолотил по ней кулаком.

Голос из-за двери произнес:

– Уже закрыто.

– Зиновий! – позвал водитель. – Это я, Грег! Открывай!

Загремели замки, и дверь со скрежетом подалась, открывая полутемную нору. Они вошли. Невидимый Зиновий снова загрохотал замками, и Шibaев оглянулся, чувствуя себя довольно глупо. Его привезли неизвестно куда, дверь захлопнулась, как в мышеловке. Магазином здесь и не пахло. Зато пахло затхлостью и тлением.

Грег уверенно шел, лавируя между ящиками, прямо к небольшой, ярко светящейся стеклянной будке, где располагался, видимо, кабинет Зиновия. В будке стояли большой письменный стол с компьютером, разбитый и вытертый кожаный диван, в углу на тумбочке – телевизор с выключенным звуком. Показывали довоенный советский фильм.

– Садись, – пригласил Грег, когда они вошли. – Зиновий, это... – он вопросительно взглянул на Шibaева.

– Александр, – подсказал тот, чувствуя себя неловко, в отличие от Грега, который упал на диван и уже деловито подкладывал под спину нечистую гобеленовую подушку.

– Зиновий, – буркнул хозяин будки не особенно приветливо. Был это небольшой толстый человек лет семидесяти в кипе и вязаном голубом жакете. Поверх жакета повязан фартук. Он сел на край письменного стола, сложил короткие ручки на груди. Вид его говорил – я занят, если можно, покороче.

– Зиновий, – начал Грег, – надо одеть человека. Свитера, джинсы, пиджак, брюки, рубашки... сам знаешь, тащи, что есть. Он только из Питера, у него багаж потеряли, так что берем оптом и сразу. И качество, Зиновий. Ты меня знаешь!

– Как там Питер? – спросил Зиновий, рассматривая побагровевшего Шibaева. – Стойт?

– Стоит, стоит, – заверил его Грег. – А что ему сделается? Давай в темпе, мы спешим!

Зиновий, не произнеся ни слова, вышел из стекляшки.

– Люблю советские фильмы, – сказал Грег, глядя на экран телевизора. – И в соцреализме что-то было. Маленький человек в фокусе, страна – большое общежитие, все вокруг колхозное, все вокруг мое. И верили же, верили! Их опускали, а они верили. Вот этого мне жаль больше всего – наивной веры в торжество справедливости и в завтрашний день. Заповедник гоблинов. А сейчас свобода печати, выливают ведра дерьма на правительство, все можно, крутят бизнес, заколачивают бабки, а счастья нет. У нас дома все советские фильмы, и довоенные, и последние. Мама любит...

– Ты живешь с... – Шibaев замялся.

– С родителями и неженатым братом. Я после развода. Оставил все бывшей половине и переехал к родителям.

– С кем? – не понял Шibaев.

– Братом-девственником, – повторил Грег. – То есть, я думаю, что он еще девственник. Почти. Или гей. Нет, – перебил он себя, – гей, вряд ли.

– А... почему девственник?

– Не знаю. Потому что дурак. Я сколько раз хотел познакомить его с хорошей женщиной, и мама просит – переживает, а он ни в какую. Ему неинтересно. Времени жалко.

– А чем он занимается?

– Программист. Еврейский гений. Большой яйцеголовый компьютерный Бог.

– Он моложе тебя?

– Юрик? Старше на пять лет. Нашему Юрику уже полтинник натикало. Безнадега. Только мама еще надеется... бедная. Внуков хочет от Юрки. Такие мозги нужно непременно передать по наследству. И виноват опять я, потому что среди многочисленных знакомых женского пола не могу найти один-единственный экземпляр, который захочет Юрку и при этом будет способен к деторождению. Он маме кажется красавцем. Надо мной она так не тряслась. Идише мама, дай ей бог здоровья!

Тут вернулся Зиновий с ворохом одежды, бросил ее на стол рядом с компьютером. Грег проворно оторвал зад от подушки, подошел к столу и стал перебирать барахло. Шibaеву не нравился ангар, не нравился Зиновий. Он примеривался, как бы поделикатнее сказать Грегу, что ему пора идти, ничего не нужно, вещи он купит завтра в нормальном магазине. Но Грег с таким упоением копался в свитерах и джинсах, что Александр промолчал. Его раздражало то, что ситуация вышла из-под контроля, он зачем-то позволил незнакомому человеку притащить себя на базу, и теперь сидит дурак дураком, наблюдая, как тот деловито откладывает в сторону вещи, с его точки зрения, нужные Шibaеву. Он хотел, наконец, остаться один и подумать. Лиля просила заехать на квартиру, посмотреть, что там и как, и запереть дверь. Он не посмел ей отказать, и теперь мысль о том, что придется сунуться туда еще раз, раздражала его безмерно. Все шло не так, как нужно. И теперь еще Грег навязался на его голову.

Тот, разбирая барахло, приговаривал... Вообще, как Шibaев уже понял, Грег не способен помолчать и пяти минут кряду. Он приговаривал:

– Синий свитер... скучно! Бордо... нет, лучше серый... или все-таки, бордо, тебе пойдет... и джинсы, и пиджачок... благородный беж с замшевыми локтями, у меня был такой... карманчики, честь честью... на хрен карманчики! Это тоже на хрен не надо! А это класс! Посмотри, – обратился он к Шibaеву, вертя перед ним синий свитер тончайшей шерсти. – Кашемир, а качество! И с лейбочкой, вот, «Дэниел Бишоп», неплохая фирма, берем. Джинсы «Ральф Лорен», новенькие. О-о-о! Кожаная куртка, «Джонс Нью-Йорк», ну, это, конечно, не «Версаче», но если подумать, на хрен нам «Версаче»? Настоящие мужики «Версаче» не носят. Смотри, пятьсот баксов всего!

У Шibaева мелькнула мысль, что его разводят как лоха, но он ошибся.

– Берем все. Сколько? – спросил Грег, положив на верх кучи клетчатый сине-зеленый шарф.

– Триста пятьдесят, – ответил Зиновий, подумав.

– Сколько? – поразился Грег. – Ты что, Зяма? Это же свой человек! Давай не терять чувства реальности. Двести!

– Ты посмотри на лейбочки! – повысил голос Зиновий. – Ты сходи в «Лорд и Тейлор» и взгляни на цены. Или в нашу «Берту»... хотя, разве там товар!

– Если бы мне нужен был «Лорд и Тейлор» или «Берта», я бы сходил в «Лорд и Тейлор» или в «Берту». Или даже в «Сакс»! Но я пришел к тебе, Зиновий!

Шibaев с невольным удовольствием наблюдал театральное действо, развернувшееся перед ним. Но ему скоро надоело, и он сказал:

– Идем, Грег.

Оба актера уставились на Шibaева, словно видели впервые. Его реплики в тексте пьесы не предусматривалось. Но Грег быстро сориентировался и сказал:

– Идем, Саша. Мы уходим, Зиновий. Последний раз – двести!

– Двести пятьдесят! – сдался тот.

– Идет, – согласился Грег. – Двести тридцать. Саша, давай деньги!

Шibaев вытащил баксы. Ему хотелось убраться отсюда – ангар напоминал ему не то склад краденых вещей, не то подпольный цех самопалов. Зиновий аккуратно уложил одежду в большую бумажную сумку, на боку которой было написано «Big brown bag»⁹, протянул Шibaеву, вздохнул и сказал:

– Носите на здоровье! Такого качества, как имею я, не имеет никто! Как Борис Моисеевич? – это уже Грегу. – Передавай привет, и Елене Семеновне тоже.

– Спасибо, передам. – Ответил Грег. – Как Женька?

– Хорошо. Опять без работы. Если б не отец, умер бы с голоду.

– В Америке никто еще не умер с голоду, – утешил его Грег.

– Ну, так Женька будет первый, – ответил Зиновий, взясь с замками. Он распахнул дверь, выглянул наружу и объявил: – Снег будет!

– Какой снег, плюс пятнадцать!

– Ну, так дождь, – ответил Зиновий, запирая за ними дверь.

– Кто такой Борис Моисеевич? – спросил Шibaев.

– Отец. Они с Зиновием вместе работали на судостроительном. Батя – инженер, сорок лет отрубил на советскую власть.

– А ты?

– Что я? – не понял Грег.

– Ты тоже на судостроительном?

– Упаси боже! Я – гуманитарий. Работал на «Леннаучфильме». Снимал передовиков, ученых, нефтяников. Про шаровую молнию и северное сияние. Мотался по Союзу. Хорошее было время... Но это я только сейчас понял.

– А здесь?

– Здесь? – Грег задумался. – Здесь нет «Леннаучфильма». Шучу. Работал фотографом... всякие мероприятия, свадьбы, бармицвы, похороны. Неплохо заколачивал, между прочим. Потом занялся медтехникой, переправлял в Россию инвалидные коляски. Потом переводами. Потом... разным. Теперь вот такси. Слушай, ты не очень спешишь?

– Не очень, – ответил Шibaев. – Мне нужно заехать в тот дом, где ты меня ждал днем.

– Ноу проблем, – отозвался Грег. – Я подожду. А потом поставим тачку в гараж и обмою твои шмотки. Есть тут одно местечко.

⁹ Большая коричневая сумка, обычно упаковка для товаров.

Глава 6. Грег

– Ты спросил, не хочу ли я вернуться, – вспомнил Грег.

Они сидели в пустом китайском ресторанчике, из тех, по которым Шибаева в свое время таскал Джон Пайвен. Полутемный небольшой зал, дремлющий за стойкой бара китаец, знающий по-английски три-четыре слова. Не очень чистые столы, не очень приветливый официант. Но еда вкусная и цены доступные. Они заказали сначала китайское пиво, а потом саке.

– Ты когда-нибудь пил саке? – спросил Грег. – Давай закажем. С пивом.

– Саке? У них тут есть саке?

– У них есть все. Суши есть. Сырая рыба, тунец. Хочешь? Скоро пельмени освоят и котлету по-киевски. Конъюнктура.

– Рыбу не хочу. Давай саке, – согласился Шибаев, которому хотелось выпить.

– Знаешь, я читал в книжке одного нашего японоведа, что нет ни одного человека в мире, которому бы нравилось саке. Согласен. Гадость. Но забирает легко и нежно. А пиво – вообще цимес!

Они выпили теплую японскую водку из белых фарфоровых стаканчиков, запили холодным пивом. Шибаев почувствовал, как отпускает сжатая пружина внутри, предметы теряют отчетливость, а углы зала мягко проваливаются в пустоту. Старый китаец за стойкой бара сидел, не шевелясь, как изваяние из слоновой кости. Официант исчез навсегда. Их было здесь только двое. Дымилась саке, пахла китайская еда, пряно и сладко...

– Куда вернуться? – спросил Грег, глядя на Шибаева. Тот не отвечал, и Грег ответил сам: – Некуда, Саша, пойми, некуда!

Теперь до Александра стало доходить, зачем он вцепился в него мертвой хваткой. Душа Грега жаждала роскоши общения, сладкого полупьяного трепа, когда каждая мысль – и перл, и открытие, и обобщение, когда собеседник – родственная душа, ближе которой никого нет, когда разговор перескакивает с политики на историю и прочитанные книги, вспоминаются старые друзья – иных уж нет, а те далеке, – разбросанные жизнью кто куда, когда проводятся фантастические параллели, которые можно объяснить исключительно расторможенностью сознания, вызванного волшебным эффектом саке и пива. Все вышеупомянутое было дома, в России, а здесь этого нет. Здесь все разговоры крутятся вокруг денег, денег, денег, моргиджей, иншуренсов¹⁰, снова денег, моргиджей и иншуренсов. Все!

– Ты не представляешь, Саша, как пусто! – жаловался Грег. – Деньги, жратва. Деньги, жратва. Кэш. Советские газеты писали правду, а мы им не верили. Мы в наше время даже не вспоминали о деньгах. Мы сидели на кухне у Павлика Зварича, пили водку и решали задачи мироустройства. Разве мы говорили о деньгах? Я представлял себе, как приеду в Питер, соберутся ребята... девочки и, как когда-то, двадцать лет назад... больше! Ничего у нас не было – ни денег, ни жилья приличного, я о дубленке мечтал... А какие мы были счастливые! И все было впереди. А сейчас столько перемен, демократия... А Венька лысый! – Грег рассмеялся. – Представляешь, Венька – лысый! И под каблуком у супружницы, идиот. А Павлик Зварич умер, спился. Я собрал, кого смог, поехали на могилу куда-то в пригород, еще подумал – тут, наверное, дешевле. У него никого не было. Деревянный столбик, как у безымянного солдата. Ветер, снег с дождем, замерзли к чертовой матери. Кладбище какое-то выморочное, бедное, линялые бумажные цветы... Я в яму провалился – водой могилу размывло, вообще без опознавательных знаков. А какой был красавец! Девочки проходу не давали. Положили цветы, белые хризантемы, их тут же снегом засыпало. После такого только выпить!

¹⁰ Заем банковский, страховка (англ.).

Володька Сац, умница, голова – Дом советов, доктор экономических наук. Директор его из института ушел на повышение в администрацию, советником по экономическим вопросам, и Володьку за собой потянул. Квартира, машины, дача... полный комплект. Квартира шикарная, был я у него, сидели на кухне, пили коньячок. Он говорит, ну, беру я, все берут. Беру и боюсь... Думаю, кончится же эта малина когда-нибудь, призовут к ответу. Знаешь, Саша, они со мной не стеснялись. Я приехал и уехал, и уже до конца жизни вряд ли свидимся. Ты не поверишь, говорит Володька, бывает сижу ночью за своим письменным столом, бутылка коньяку рядом, и вывожу на листке: «Я боюсь... Я боюсь... Я боюсь...» Сверху донизу. Переверну листок – и снова. Крыша едет, а не вырвешься... – Грег замолчал и задумался. Потом сказал: – Не хочу я туда возвращаться, Саша. Некуда. Дружба, любовь, искренность... ничего не осталось. Деньги. Бизнес. Секс. Террористы. И людей я перестал понимать. Вот послушай, – Грег разлил sake, пододвинул стаканчик Шибаеву, чокнулся. Выпил залпом, скривился. – Была у нас одна девочка, так, ничего особенного, серая мышка, за мной бегала. Работала в библиотеке, ее мама как-то привела к нам домой чуть ли не с улицы, хотела познакомить с Юриком. А она в меня влюбилась... Ну, я – ноль внимания, за мной и не такие бегали. А сейчас встретил ее – такая же, почти не изменилась. Бежит куда-то, вся просто светится. Что, спрашиваю, да как, все такое. Оказывается, она безработная, одинокая, квартиру городскую сдает, а сама живет с мамой на даче, в основном, на мамину пенсию, потому как «квартирные» деньги идут брату – у него семья большая. Пишет стихи и даже издала одну книжку. Всякие частушки, рифмованные тосты, поздравления... Ерунда, одним словом. Рифмы, говорит, так и лезут из меня. И еще переводит – из Шекспира, Байрона, Китса. Рассказывает, а сама замерзла, носик покраснел. У меня в горле комок, так ее жалко. Оля, говорю, выходи за меня, а? Она даже не удивилась, отвечает – я в Америку не поеду! Почему, спрашиваю. Когда уезжал, мне завидовали до зеленых соплей. Я не могу без родины, отвечает. Безработная, плохо одетая... И подумал я, Саша, – а может, она права? Родина одна ведь. И чего-то я в жизни, наверное, не понял. А она поняла. Или это типичная русская леность и пофигизм? Мир рушится, а она Байрона переводит. Она в нищете Байрона, а я был плохим режиссером, потом плохим снабженцем, теперь вот, сам видишь... Цветы запоздалые... Стараюсь не думать, а нет-нет да и мелькнет мысль – неужели время собирать камни? Так быстро? Марлон Брандо, старый, толстый и большой, сидел на своем острове в Океании, смотрел свои фильмы, плакал и пил, как лошадь. А я сижу здесь, в дешевой китайской забегаловке, за океаном, пью sake, которое и не люблю даже. А она там... Байрона переводит!

Грег вытер слезы салфеткой, разлил остатки sake в стаканчики. Потянулся чокнуться, и тут подал голос шибаевский мобильник.

Звонила Лиля. Долетела, встретилась с подружкой. Все в порядке. Она замолчала и только дышала. Шибаев натужно выразил радость по поводу благополучного перелета и после паузы сообщил, что был в квартире, убрал и захлопнул дверь. Ключ забрал с собой, как и договаривались. Лиля сказала спасибо. Шибаев мучительно искал какие-то хорошие слова и не находил. Ему казалось, что к его ноге привязан груз, лишаящий его маневренности. Он был виноват перед этой девушкой, и это делало его заложником. Чертыхаясь в душе, фальшивым тоном пожелал ей не скучать и хорошо провести время. Запиши телефон, сказала Лиля грустно. Он стал шарить в карманах. Грег подsunул ему шариковую ручку и салфетку. Шибаев вкривь и вкось нацарапал на мягкой бумаге десяток цифр, пообещал позвонить, и сеанс связи, наконец, закончился.

Грег уже разливал sake из нового фарфорового кувшина. Они чокнулись. «За женщин! – сказал Грег. – За совпадения». Они выпили. Потом – за родителей. Грег рассказал, что его отец – счастливый человек – после восьмидесяти трех лет безбожия пришел, наконец, к Богу и повесил на него все свои страхи, тревоги и прошлые обиды. Освободился, ходит в синагогу, беседует с другими стариками о смысле жизни.

– Я тебя с ним познакомлю, – пообещал Грег. – И папа расскажет тебе притчу о маленьком мальчике Довике. Подлинную историю, случившуюся в семействе одного знакомого раввина. Папа всем ее рассказывает, а я завидую и жалею, что я не маленький мальчик Довик...

Они допили sake. «Хорошо посидели, – сказал Грег, – в спокойной обстановке. Люблю эту китайскую забегаловку за покой и честную бедность, в наших шалманах разве поговоришь?»

Шибает заикнулся было о гостинице. Но Грег и слушать не захотел. «Не свисти, ночуем у меня, – сказал он заплетающимся языком. – Дом пустой! Полно места. Ты знаешь, мы в Питере жили в двухкомнатной хрущевке. Родители в спальне, мы с братом в гостиной. Он на диване, я на раскладушке. Представляешь, Саша, детство и юность на раскладушке!» – «У тебя свой дом?» – спросил Шибает. «Юрик купил. Он у нас миллионер. За что мне нравится эта страна... – Грег остановился, взял Шибаета за рукав. – Тут, если у тебя есть мозги, – он поступал себя по лбу костяшками пальцев, – ты сделаешь карьеру. Ты вылезешь из дерьма. И тебя не будут бить по рукам и кричать: будь как все, ты что, самый умный? Великая страна Америка...»

...Они шли вдоль канала с пришвартованными вдоль берега яхтами. Было безлюдно и очень тихо, ровно и ясно горели частые фонари. Казалось, лампы помещались в колбах, внутри которых было свободно от тумана. С океана тянуло сыростью и гнилыми водорослями. Погода довольно теплая, но промозглая и зябкая.

Около столба с указателем «Экзетер-стрит» они свернули к океану. Дом Грега стоял в середине квартала – аккуратный нарядный коттеджик из светлого камня, в размыто-готическом стиле, с оградой, увитой гибкими колючими плетями с живыми еще мелкими белыми розами. Он напоминал кондитерское изделие. На крыльце с арочного навеса свисал пушкинский фонарь.

Грег отворил металлическую кованую калитку, и они вошли в крошечный, вымощенный каменными плитами дворик. Высокая черная фигура внезапно метнулась к ним из-под пышного куста справа, задергалась, будто в нервическом припадке, и хрипло захохотала. Шибает отскочил, хватаясь за пистолет, которого не было...

Грег тоже захохотал и закашлялся, сгибаясь пополам. С трудом выговорил между приступами смеха:

– Извини, Саша, забыл предупредить. Павлик подарил на Хеллоуин... мой сын. Капитан Кук на фотоэлементах. Я тоже в первый раз испугался, думал кранты, сердце не выдержит. Через две недели Хеллоуин, ну Павлик и принес. Мама велела, чтобы забрал этот кошмар назад. А папа сказал, что капитаном Куком можно пугать грабителей, если бы тут они были. А Юрка раз десять туда-сюда, туда-сюда... так он ему понравился. И мама разрешила оставить. Юрочка в нашем семействе – царь и бог.

Шибает рассматривал капитана Кука со смешанным чувством досады и неловкости – нелепая тощая фигура, закутанная в черный плащ с золотыми эполетами, увенчанная скалящимся черепом в треуголке. В глазницах черепа, как угли, тлели красные огоньки.

– Смотри, – сказал Грег и помотал перед черепом рукой. Капитан Кук снова задергался и захохотал. – Полный абзац!

...Дом спал. В небольшой гостиной, куда Шибает заглянул по дороге, неярко горел торшер и сидела перед негромко работающим телевизором седая крупная женщина в красном халате. На экране прыгала певица с микрофоном, в трусиках и ботфортах. «Гришенька, почему так поздно? Я беспокоилась», – она поднялась им навстречу, всматриваясь в Шибаета. «Ма, ну что ты придумываешь, – сказал Грег. – Я уже большой мальчик. Это – Саша, мой друг». – «Ты должен был позвонить, – сказала женщина. – Юрочке завтра к восьми нужно быть в офисе, я поставила тебе будильник. Здравствуйте, Саша». Шибает молча поклонился. «Мы пойдем, ма, устали до чертиков, спокойной ночи», – ответил Грег, целуя мать в лоб и стараясь при этом не

дышать. «Вы ужинали?» – спросила женщина. «Ужинали, не беспокойся, ма, – ответил Грег. – Спокойной ночи».

Они поднялись на второй этаж по скрипучей лестнице. Грег открыл одну из четырех дверей, включил свет и сказал: «Комната для гостей, Саша. Будь, как дома. Спокойной ночи». Закрыв дверь, и Шибаев остался один.

Комната была маленькая, какая-то необычная, вероятно, из-за белых стен и белой мебели. Широкая кровать посередине под розовым атласным покрывалом с горой подушек, белые тумбочки с обеих ее сторон, белый комод с золотыми ручками – производили впечатление кукольных. Изящное гобеленовое кресло в углу спальни, круглые китайские, розовые с белым, коврики у кровати и комода, длинная полка над комодом с фотографиями детей в серебряных и золотых рамках, со стеклянными и фарфоровыми зверушками и темно-розовые шторы на окне завершали картину.

Шибаев с опаской шагнул – бело-розовый мир казался хрупким – и осторожно уселся в кресло. Он чувствовал себя чужеродным в этом жеманном мирке и думал, что в гостинице ему было бы удобнее. Даже досада появилась против Грега. Комната освещалась неярким светом торшера в стиле ретро, разумеется, розового...

В ванной комнате тоже преобладала розовая гамма – полотенца, занавеска для душа, коврик. Даже туалетная бумага была розовой. При виде этой бумаги Шибаев усмехнулся. Он разделся, бросил несвежую одежду на пол и открыл краны душа.

Он стоял под тугими струями, попеременно горячими и холодными, думая, что люди действительно вышли из воды, иначе почему мы испытываем такое чувство комфорта и радости узнавания, возвращаясь в воду? Он вытерся розовым полотенцем, обернул его вокруг бедер. Босиком подошел к окну, постоял нерешительно, не представляя, принято здесь открывать окна или нет, и все-таки открыл. Холодный воздух медленно вполз в комнату – в природе похолодало и прояснилось. Он выглянул и увидел капитана Кука, стоявшего в засаде под кустом. Треугольная его шляпа отбрасывала острую тень на плиты дворика. Конфетные домики спали, ничто не нарушало безмятежной ночной тишины.

Шибаев постоял немного у окна, вдыхая резкий, как сельтерская вода, воздух. Потом снял с кровати покрывало, сложил, как сумел, отнес на кресло. После чего с наслаждением вытянулся на свежих простынях, оказавшихся почему-то белыми, а не розовыми. Электрические часы на комодке показывали два.

Перед тем, как провалиться в глубокий черный колодец сна, он вспомнил сине-зеленую беззубую рекламу матрасов на крыше дома напротив окон Лили...

...Ему снилась Инга... Сон был черно-белый, сумеречный. Инга пыталась открыть дверь, но она не открывалась. Он видел ее почему-то изнутри дома, через толстую стеклянную дверь, видел отчетливо каждую черточку и деталь ее лица – крошечные морщинки в уголках рта, родинку над верхней губой справа, тонкий нежный пушок на щеках... Инга дергала ручку, стучала кулачками, кричала что-то... Волосы ее растрепались, на лице было написано отчаяние. Потеряв надежду войти в дом, Инга села на крыльцо. В поникших плечах, опущенной голове, даже в сумочке, брошенной рядом, было столько горя, что у Шибаева оборвалось сердце. Почему-то он не мог открыть дверь, не мог выйти из дома и впустить Ингу... Только смотрел, отделенный от нее стеклянной стеной. Инга медленно, словно услышав его мысли, обернулась и посмотрела прямо ему в глаза. И Шибаев вдруг понял, что это не Инга, а чужая женщина. Женщина, которой он никогда в жизни не видел...

В четыре очнулся мобильник, предусмотрительно оставленный на тумбочке у кровати. Звонил Заказчик...

Ничего утешительного он Шибаеву не сообщил. Сказал, что «работает по вопросу». Кое-какие зацепки есть, но нужно подождать день-другой. Спросил, как дела. «Жив пока», – ответил Шибаев. «Ты где?» – спросил Заказчик. «Пока на Брайтоне», – сообщил Шибаев. «Ты бы пока, это самое...» – начал было Заказчик, но замолчал. «Утром ухажу, – сказал Шибаев. – Так получилось...»

Заснуть ему больше не удалось. Он лежал, глядя на сереющий прямоугольник окна, заставляя себя не думать об Инге. Ночью человек превращается в пессимиста – видимо, сказывается отсутствие солнца. Тревоги и страхи оживают в темноте, и можно додуматься до чудовищных вещей. Мысли Шибаева были далеко не оптимистичными. Если Инга бросила его – а иначе то, что произошло, не назовешь, то чего он, собственно, ожидает от встречи? Однозначного ответа на этот вопрос у него нет. Вернее, никакого нет. Он подышал от желания увидеть ее, а там хоть трава не расти. Еще раз увидеть и испытать мгновенную радость, исторгая из себя вопль или рыдание. И дальше что? Александр, сказал он себе, вытри сопли и посмотри на вещи трезво. Ты думаешь, она вернется? Оставит ради тебя Америку? Выберет любовь? А ты согласишься на подобную жертву? И будешь всю оставшуюся жизнь из шкуры вон лезть, чтобы она, не дай бог, не пожалела ни о чем?

Адвокат Алик Дрючин отбил свою вторую жену у одного бизнесмена с немереными бабками, сходил с ума от любви и каждый раз, когда молодая жена вспоминала, как отдыхала с прежним мужем на Канарах или Багамах, рвал на себе волосы, так как не мог обеспечить ей того же. «Ши-Бон, – говорил пьяный Алик невнятно, – не вздумай платить за любовь бабками, этими... Канарами, или брюликами! Это без... без-нрав-стве-нно, понимаешь? Любовь ничего не стоит, ее нельзя купить. У нее, как у птички крылья... Понимаешь? А то, что можно купить, – туфта, а не любовь! Ты можешь купить секс, комфорт... тело – пожалуйста, покупай и пользуйся на здоровье. Но не называй это святым словом «любовь»! И если ты, Ши-Бон, подыхаешь от любви и платишь ей за любовь бабками и материальными благами – ты, Сашка, пацан! И совершаешь большую ошибку, понял? Лучше сразу сваливай. Делай ноги или уползай – как сумеешь, а то финита! Пропадешь. Я, как последний дурак, последняя сволочь пропал, хотя опыта мне не занимать, сам знаешь. Или она принимает тебя, Саша, таким, как есть, или нет... Ты ей ничего не должен! Любовь – дорога с двусторонним движением, понял?»

История с Дрючиным закончилась тем, что его жена вернулась к прежнему мужу, который ее, правда, поколачивал, но был не в пример богаче Алика. А тот после этого запил. Заходил с бутылкой к Шибаеву и изливал душу.

К сожалению, мы не учимся на чужих ошибках. Или к счастью – так как ошибки часто украшают жизнь. Кого спасли чужие советы? Особенно, когда дело касается любви? Каждый тащит этот крест сам. Разум был против встречи с Ингой. И обида была. А сердце ныло, и надежда тлела.

Так ни к чему и не придя, Шибаев задремал и проснулся снова от стука в дверь и бодрого голоса Грега в коридоре: «Сашок, гет ап! Подъем! Завтрак на столе!» После чего он сам ввалился в розовую комнату и непринужденно уселся на кровать. «Юрку надо отвезти в Манхэттен, у него митинг в офисе. Мама тоже едет. Она всегда с ним ездит. Могу и тебя закинуть».

Шибаев умывался, а Грег стоял в дверях ванной и рассказывал, что мама собирается в Гуггенхайм-музей посмотреть выставку «Россия». Картины из русских музеев. Оттуда они заедут за Юрочкой и – домой.

Шибаев достал из торбы свои новые вещи. Надел бордовый свитер и бежевый пиджак с замшевыми локтями. «Полный абзац, – одобрил Грег. – У Зиновия классные шмотки. Пошли!» – «Слушай, – вспомнил Шибаев, – я даже цветов не купил, не подумал. Где можно купить?» – «Поблизости нигде. По дороге приобретешь». – «Напомни, как зовут родителей?» – попросил Шибаев.

Он вошел в столовую, испытывая неловкость, – свалился людям на голову. Столовая прилежала к кухне – по сути, она была ее продолжением. Середину занимал громадный овальный стол с серой мраморной столешницей и большие плетеные кресла с подушками на сиденьях. Хозяйка возилась на кухне. За столом сидел небольшой, очень худой старик в кипе.

– Доброе утро, папа, – Грег поцеловал отца в щеку. – Это мой друг Саша. Только приехал.

Старик кивнул, рассматривая гостя бледно-сизыми навывкате глазами.

– Иудей? – спросил он, наконец.

– Нет, – ответил Грег. – Православный. Как там ребе Моше? Поправился?

– Слава богу, – ответил старик, – поправился. А вы, молодой человек, надолго сюда? – обратился он снова к Шibaеву.

– Пока не знаю, – ответил тот. – Как получится. Думаю, ненадолго.

– Ма! – позвал Грег. – А Юрка встал?

– Сходи за ним, – попросила Елена Семеновна, появляясь из кухни с большим блюдом картофельного пюре.

Шibaев вскочил с кресла ей на помощь. Она передала ему блюдо и снова скрылась на кухне. Минут через пять появились братья – Грег подталкивал высокого молодого человека с длинными волосами.

– Всем привет, – объявил Грег. – Юрик, это Саша.

Молодой человек, которому от силы можно было дать лет тридцать пять, улыбнулся рассеянно, посмотрел мимо Шibaева и кивнул.

Александр исподтишка рассматривал старшего брата Грега – красивое, очень бледное лицо затворника, темные глаза, полный, что скрадывается ростом – на голову выше немаленького Грега, черные вьющиеся волосы, жидкие на макушке и пышные за ушами, падали на плечи. Юрик сел за стол, уставился в пустую тарелку. Елена Семеновна принесла следующее блюдо – с тушеными цыплятами, насколько мог судить Шibaев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.